

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

МЁРТВАЯ ЖИЗНЬ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

Виталий Эдуардович Абоян

Мёртвая жизнь

Серия «Абсолютное оружие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67061145
Мёртвая жизнь / Виталий Абоян: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-163904-4

Аннотация

Твердая научная фантастика о первом контакте. Автор с двадцатилетним стажем. Призер премии "Старт" 28-го Всероссийского фестиваля фантастики "Аэлита".

Чужие глаза непрестанно наблюдали за ним...

«Внеземной разум существует, доказательство найдено!»

Будто на корабле поселился кто-то неведомый...

«В газопылевом облаке обнаружен огромный инопланетный корабль!»

Кто-то новый следит за каждым нашим действием...

«Люди установят контакт с таинственной расой!»

Параноидальная научная фантастика о первом контакте, который пошел не по плану. Что иной разум может сотворить с человеческим сознанием? Что люди сотворят с Ним?

Содержание

1. Прибытие	5
2. Хозяин Тьмы	19
3. Стратегия	34
4. Вылазка	51
5. Вход в лабиринт	59
6. Встреча с Минотавром	74
7. Тайные течения	81
8. Прикосновение к бездне	94
9. Пустые тайны	100
10. Депрессия	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Виталий Абоян

Мёртвая жизнь

Cogito, ergo sum¹.

Рене Декарт

¹ Мыслю, следовательно, существую (лат.). – Здесь и далее примеч. автора.

1. Прибытие

Картинка реальности проступала медленно, наполняя клочками с периферии взора к центру, туда, где желтое пятно² дает максимальную четкость. Фрагменты склеивались в оплывший шар, похожий на подтаявший в теплых руках снежок, закрывая собой идиллические пейзажи виртуальной реальности. С сетчаткой в виртуальности никто не советовался, ее безжалостно обманывали, отправляя картинки прямо в зрительную область коры. Человек есть мозг, все остальное – лишь придатки, помогающие сносно существовать. Только разум, обитающий где-то среди синапсов серого вещества, делает человека человеком. Не тварью дрожащей, но повелителем природы и хозяином собственной судьбы.

Выход из виртуальной сенсорной депривации³ сообщал об окончании прыжка. Машина межпланетного научно-исследовательского корабля по имени «Зодиак» вывалилась из гиперпространства в черный холодный космос в точке прибытия. Пустота прыжка еще давала знать о себе слабостью и ноющей болью в каждой мышце человеческого тела, но сознание уже было здесь, в каюте. Начались трудовые будни.

² Область наибольшей остроты зрения на сетчатке глаза человека и высших животных.

³ Депривация – частичное или полное прекращение внешнего воздействия на органы чувств.

Захар, неловко орудуя конечностями, выбрался из эргокресла. Тело, привыкшее к неге бездействия за время прыжка, протестовало, пытаясь сделать вид, что не знакомо с самим понятием «движение». Перевалившись через край ложемент, Захар приготовился встретиться с полом, но столкновения не произошло – он так и остался плавно парить в центре каюты. Псевдогравитации не было.

Кибертехник Захар Орешкин успел разгерметизировать грудную застежку скафандра. Ее пришлось вернуть в прежнее состояние – аварийная сигнализация молчала, но отсутствие тяготения являлось признаком нездоровья «Зодиака»: вращение диска с жилыми отсеками корабля должно было начаться сразу после выхода из гиперпространства. Захар вздохнул, рефлекторно попытался потянуться, но голова уперлась в гермошлем, отчего затекшие мышцы спины свело болезненной судорогой. Кибертехник, стараясь не обращать внимания на боль, открыл дверь и выбрался из каюты.

В невесомости было непривычно и неудобно. Нетренированное к перемещениям в подобных условиях тело норовило пролететь поворот, а неумелые попытки Захара остановиться в нужном месте приводили лишь к болезненным даже сквозь относительно толстую ткань скафандра ударам о стены. Да и мутило от космической свободы движений изрядно.

В рубке собрались все шестеро членов экипажа «Зодиака». Вернее, Тахир был там изначально – пилоты во время прыжка обязаны находиться на боевом посту. Просто тради-

ция, ничего более. Никакого смысла в том не было – в виртуальность он мог выйти в любой точке корабля, а на ручном управлении, что архаичными джойстиком и кнопочками торчало из консоли рядом с эргокреслом пилота, в гиперпространстве далеко не улетишь. Оно вообще бесполезно в гиперпространстве, только человеческий мозг мог каким-то мистическим образом выбирать предлагаемые природой вероятности.

Четверо добравшихся до рубки раньше Захара парили вокруг эргокресла, в котором лежал пилот. Станіслав Грац – корабельный врач и старпом в одном лице – склонился над Тахиром, верхняя часть скафандра которого была снята. Свой скафандр Грац тоже раскрыл на груди и откинул гермошлем. Похоже, опасности разгерметизации действительно не было.

Захар снова разомкнул застежку и попытался вытянуться. В стоящей в рубке тишине было отчетливо слышно, как хрустнули позвонки.

Грац повернул голову к кибертехнику, отвлекшись от голоэкрана пилотского эргокресла. Экран пестрил непонятными графиками и значками.

– Что у нас происходит? – спросил Захар.

Седовласый Грац вернулся к созерцанию графиков на голоэкрane, положив ладонь на грудь распростертому в эргокресле пилоту. Обычно пилот был капитаном, «Зодиак» не являлся исключением.

– Орешкин, отмены нештатной ситуации не было, – тихо сквозь зубы пробурчал Грац.

Недвижимый Тахир, брюзжащий Грац, вся команда в замешательстве – похоже, дела плохи.

Захар вздохнул и уже во второй раз за последние десять минут принялся натягивать гермошлем. Одновременно с этим он подключился к виртуальной реальности корабля, которая, почуяв присутствие кибертехника, не замедлила разродиться сонмом графиков и цифр, сообщавших о состоянии киберсистем. Захар не стал присматриваться к плавающей вокруг него информации – если бы было что-то из ряда вон, недоразвитый мозг «Зодиака» давно сообщил бы в принудительном порядке. Смахнув привычным движением назойливые цифры, кибертехник заставил их исчезнуть. Что же все-таки происходит?

Как только вирт-связь включилась, мысли, образы и переживания четырех членов экипажа лавиной хлынули в сознание Захара. Сквозь бурю эмоций настойчиво пробивалось ворчание Граца – он не мог не брюзжать даже в виртуальности.

В общем-то теперь все стало на свои места. Тахир не подавал признаков жизни, поэтому первый помощник по праву принял командование. И по праву отдавал распоряжения насчет скафандра.

«Что с ним?» – спросил Захар, ни к кому конкретно не обращаясь.

«Без сознания», – констатировал очевидное Люциан Лившиц.

Лившиц представлял на корабле Институт внеземной жизни. Внеземелец, похоже, размышлял о чем-то своем, в его виртуальном образе ясно читалось смятение. Лиц за поляризованными стеклами шлемов Захар не видел, но некажистость и скособоченность Лившица отлично проступали даже в облаченной в скафандр фигуре.

От Герти пришло смутное ощущение, будто она пожала плечами, – планетолог ничего не знала. Видимо, как и остальные.

«Всем! Занять! Свои! Места!» – мысленно отдал команду Грац. Он не оборачивался, вообще не отвлекался от своего непонятного занятия, поэтому казалось, что нашпигованную до самого последнего бита раздражением и праведным гневом фразу в виртуальность бросил не он. Удивительный человек, как он умудряется выдавать в виртуальности столько эмоций? Причем, как правило, отрицательных.

Ничего не оставалось, как вернуться в каюту, вновь цепляя в невесомости каждый угол, и лечь обратно в эргокресло. В ожидании Захар занялся просмотром отчета о работе киберсистем корабля – пора бы кибертехнику проверить свое киберхозяйство. Скоро хозяйству предстоит изрядно потрудиться.

Лившиц с Герти о чем-то оживленно спорили по вирт-связи, не озаботившись перевести беседу в приват. Захар не

вникал в суть, но бормотание вземельца внутри головы раздражало – судя по всему, тот был не на шутку напуган. Вот уж чей испуг более чем странен – Лившиц же специалист по нештатным ситуациям, он должен сохранять спокойствие. Но, как оказалось, хладнокровия ему недостает. Кибертехник выключил тараторящую парочку из восприятия.

Фриц Клюгштайн, биолог экспедиции, вовсе молчал. Чем он сейчас занимался, Захар не знал – проверять Фрицу до начала штатной программы исследований вроде бы нечего.

Списки, графики и диаграммы цветастым ковром рассыпались по каюте. Все показатели в норме. Дряхленький нейропроцессор «Зодиака» тоже работает как положено. Кстати, а ведь «Зодиак» должен располагать информацией. У него и надо спросить, что здесь, в конце концов, происходит.

Мозг корабля принял запрос, немного подумал, собирая доступные данные со всех узлов, и выдал совершеннейшую околесицу. Из его отчета выходило, что полет в гиперпространстве продолжается.

Захар сначала машинально усмехнулся, потом почувствовал, как холодный пот выступает росинками на лбу и где-то между лопатками. Тонкий комбинезон, что был надет на нем под скафандром, сделался неприятно влажным. В кончиках пальцев закололо, словно по ним стучали маленькие острые иголки.

Искусственный интеллект «Зодиака» неправильно воспринимал свое состояние. Он не мог определить коорди-

наты, не мог скорректировать курс. Он ничего не мог. Все функции, связанные с перемещением космического корабля в пространстве, были недоступны.

Еще раз прогнать тест нейропроцессора: количество функционирующих нейронов значительно превышает критический порог, сложность связей на порядок выше нормативного, функции запоминания... ага, совпадение на сто процентов, логические схемы соответствуют, мотиватор мотивирует в пределах дозволенного. Электрические цепи... что у нас с электрическими цепями? Все у нас с ними в порядке, контакты электросинапсов активны на девяносто восемь процентов при критическом уровне восемьдесят пять. Нейропроцессор – всем нейропроцессорам нейропроцессор. Что же тогда не укладывается в восприятии картины мира?

Грац затих, не подает признаков жизни. Захар окинул взглядом виртуальную карту корабля – первый помощник на месте, только молчит. А вот Тахира определять мозг «Зодиака» отказывался. Нет больше у корабля капитана.

Сейчас бы выйти и спросить у Станіслава, что все это значит. Так ведь пошлет, обязательно пошлет. С него станется.

Строки цифр и маленькие блоки с трехмерными картинками всплывали один за другим перед глазами Захара. На полном автоматизме он запустил прогон стандартных задачек для «Зодиака» – шар с облаками в пространстве, движущийся по заданным параметрам согласно формуле Ньютона – Эйнштейна. Это что? Планета. И длинный список всей фи-

зико-химической подноготной виртуального небесного тела. Все правильно, все сходится. Нормально мозг корабля воспринимает реальность. Это, похоже, с реальностью что-то не так.

Для верности Захар запустил прогон тестирования логики нейропроцессора еще раз.

«Оставьте его в покое, Орешкин, – это был Грац. – Лучше вернитесь в рубку».

Приказ нового начальства. В голове промелькнула мысль о неудобстве перемещения в задраенном скафандре.

«Можете его снять», – пришли по вирт-связи слова Станислава.

Захар расстегнул застежку, откинул гермошлем, не заботясь о его фиксации в положенном креплении, сбросил толстую упругую ткань с плеч и понял, что комбинезон мокрый насквозь. Будто в душе побывал. Предательский холодный пот, вероломная вегетатика⁴.

Грац сидел, насколько это было возможно в невесомости, на поручне эргокресла Тахира. Его скафандр плавно барражировал в пространстве у пола, тихо шурша складками ткани. Вид у доктора был подавленный, но решительный. Он подпирал рукой невесомую голову, будто пытался удержать ее, чтобы ненароком не унеслась летать по рубке. Его тем-

⁴ Вегетативная нервная система отвечает за работу внутренних органов, сосудов и желез, в том числе и потовых. Действия вегетативной нервной системы не подконтрольны желанию человека.

ные, почти черные глаза рассматривали что-то неведомое на покрытом шероховатым – для лучшего сцепления в условиях пониженной гравитации – пластиком полу, губы непрерывно шевелились, однако по вирт-связи от него ничего не поступало.

– Сядьте, – сказал он.

– Но невесомость...

– Тогда хотя бы перестаньте маячить, – махнул рукой Грац. Инерция движения отклонила тело Станислава в сторону, но каким-то чудом он удержался на подлокотнике. – Вы выяснили, что произошло?

– С киберсистемами корабля все в полном порядке, – доложил Захар.

– А с кораблем?

А с кораблем происходило что-то непонятное, и Захар молча пожал плечами.

– Вот и я не пойму, – сказал Грац. – Похоже, мы здесь застряли надолго. Второго пилота у нас нет.

– Тахир... – У Захара не повернулся язык сказать «мертв».

– Нет, – отрицательно мотнул головой Грац, – жив. Только не вышел из транса. Я такое вижу впервые.

– Вы старший помощник, стало быть...

– Не называйте меня старшим помощником, – скривился тот, – я врач, понимаете? Врач! Я не нанимался командовать бандой... ученых.

– Но вы же, Станислав, как врач знаете, что делают в таких случаях, – Захар не спрашивал, он констатировал факт. Он, кибертехник, плохо разбирался в физиологии пилотажного транса, но Грац-то должен знать, что не так с пилотом.

– Нет. – Он поднял взгляд на кибертехника. Тяжелый взгляд. В глазах читались спокойствие и обреченность. Он действительно не знал. – Такого никогда не случалось прежде. Пилот, впадая в транс, ведет корабль в гиперпространстве, его мозг сливается с нейропроцессором корабля и гиперприводом в одно целое, они неразделимы в этот момент. А сейчас гиперпривод отключен, мозг «Зодиака» функционирует в автономном режиме – вы все проверили. Почему тогда Тахир...

– Корабль считает, что мы по-прежнему в гиперпространстве, – вставил Захар.

Грац задумался на мгновение.

– Но ведь мы в обычном космосе. Вы чувствуете?

– Да, обычные ощущения. Только невесомости не должно быть.

– Наверное, это из-за того, что он не видит Тахира. В памяти «Зодиака» нет данных о прекращении пилотажного симбиоза.

– Давайте откроем окна и посмотрим, – донесся голос из дверей рубки. Это был Ключштайн. Гермошлема на нем не было. Он успел совсем снять скафандр и переодеться в обычную одежду.

– Давайте, – согласился Грац.

В рубке появились Лившиц и Гертруда. Внеземелец в черных брюках и черной же, застегнутой на все пуговицы, рубашке; планетолог – во вздувшихся в невесомости широких бесформенных штанах, сдобренных множеством карманов и пряжек, и в столь же расхристанной майке.

Захар обратил внимание, что Лившиц нервно мнет штанину дрожащими пальцами.

– Не переживайте вы так, Люциан, – сказал Ключштайн, приобняв внеземельца за плечи. – В конце концов, «Зодиак» исправен. Нужно лишь немного подождать – нас обязательно найдут.

Исследовательские корабли, отправлявшиеся в плановые экспедиции, никогда не комплектовались двумя пилотами – слишком дорогое удовольствие. Сколько ни бились ученые, выяснить, в чем заключается отличие мозга человека, способного вести корабль сквозь гиперпространство, от мозга обычного *homo sapiens*, не удалось. Ничем он не отличался. Но факт оставался фактом – около одной тысячной процента людей могли управлять космическими судами на пути к далеким звездам. Остальные даже не представляли, как это можно сделать.

Попасть в гиперпространство мог любой корабль, снабженный гиперприводом. Одна проблема – без пилота он вываливался в реальный мир в абсолютно непредсказуемой точке.

В случае, подобном нынешнему, на помощь не вернувшегося в срок кораблю отправляли спасательную бригаду. На то она и плановая экспедиция, что координаты известны и все исследования проводятся по заранее отработанной инструкции.

Однажды Захару уже приходилось ждать спасения – тогда из-за программного сбоя в работе двигателей посадка прошла слишком жестко и повредили гиперпривод. Подмоги ждать пришлось всего несколько недель. Сейчас дело обстояло хуже: «Зодиак» – большой корабль, и план исследований рассчитан на полгода. Плюс стандартное время ожидания и неизбежные задержки. Итого...

– Помощи раньше чем через восемь месяцев ждать не приходится, – озвучил мысли кибертехника Грац.

Врач активировал ручное управление, разблокировал пульт и дернул рычажок выключателя приводов экранов-иллюминаторов, опущенных во время полета в гиперпространстве.

Тихо, на самом пороге слышимости, зажужжали моторы. И...

Не изменилось ничего. Черная непроглядная тьма наполняла три панорамных иллюминатора рубки. Неизбежный желто-голубой шарик планеты, к которой они летели, на положенном месте отсутствовал. Не было видно даже звезд.

– Сломались приводы ставень? – с заранее умершей надеждой в голосе спросил Лившиц.

Грац покачал головой, отрицая возможность поломки. Ключштайн переместился по периметру иллюминатора, пытаясь высмотреть что-либо в непроницаемой черноте космоса. Он смешно складывал ладони лодочкой, стараясь загородиться от света в рубке, и прижимался лицом к стеклу.

– Нет ничего, – гнусаво сказал он, не отрывая носа от стекла.

– Этого следовало ожидать, – мрачно произнес Грац, – мы не вышли в расчетную точку.

В этот раз дела обстояли хуже. Намного хуже. Осознание того, что спасения не будет, будто свалилось откуда-то сверху, придавив мозг к внутренностям. Захар бросил взгляд на Герти и понял, что у нее похожие чувства.

– Но как нас найдут? – это был Лившиц. Люциан побледнел, мертвенная белизна лица особенно выделялась на фоне черной, как космос за иллюминатором, рубашки.

Ему никто не ответил.

– Давайте для начала определим, где мы находимся, – сказал Грац.

– Но как? «Зодиак» не воспринимает реальность, он продолжает думать, что мы в гиперпространстве. – Захар знал о существовании способов навигации в открытом космосе без помощи нейропроцессоров корабля, но совершенно не представлял, как это делается.

Станислав недовольно поджал губы.

– Ну, так заново научите его воспринимать реальность, –

сказал он. – Кто здесь кибертехник, в конце концов?

– Есть предложение, – послышался голос Ключштайна. Фриц, похоже, не унывал. Или только делал вид, что ему все равно. – Спешить нам совершенно некуда, как я понимаю. Давайте-ка сначала отобедаем. И уберем, наконец, невесомость.

2. Хозяин Тьмы

Вытянутый силуэт «Зодиака», расширяясь на корме тремя буграми ионно-плазменных двигателей, недвижимо парил в антрацитово-черном пространстве. Подвешенный на магнитном шарнире в передней части корабля диск с жилыми отсеками безрезультатно пытался развеять космическую тьму светом, льющимся из иллюминаторов. Диск нехотя двинулся, начиная вращение, раскручиваясь быстрее и быстрее, – «на Зодиак» возвращалось тяготение.

Захару предстояло каким-то образом разблокировать псевдоразумный мозг корабля, впавший в катотонию гиперпрыжка. Вмешательство в систему, управляемую нейропроцессором, дело сложное и опасное: одно неверное действие, и подпорченный псевдоразум уже не исправить.

Как же заставить его понять, поверить, что он находится в обычном пространстве? Уничтожить записи о прыжке? Стереть файл с логами движения в гиперпространстве? Файл почти пустой. Они всегда получаются пустыми – машины не понимают потустороннего мира. Машинам нечего записывать *там*, для них *там* ничего не происходит. Только импульс гипердрайва – это событие и отмечено. Если не было импульса – значит, не было и прыжка. Стало быть, если заставить «Зодиак» забыть эти данные, он должен очнуться.

Должен-то должен, однако не стоит забывать, что «Зоди-

ак» – не человек, совсем не человек, а Захар – вовсе не психиатр, чтобы с уверенностью судить о том, кто и что должен забыть и как оно поведет себя после. Уверенности не было. Но не было, черт возьми, и другого варианта.

«Зодиак», выведи список событий, начиная со старта», – отдал приказ по вирт-связи Захар.

Перед ним возник столбик записей. Предстартовые процедуры, отметка о запуске гипердрайва и лог о поступившем запросе. Все, как и ожидалось.

Он сохранил копии обоих файлов на резервном носителе и, глубоко вздохнув, сомкнул пальцы на оригинале, уничтожив его. Ничего не произошло. Кибертехник осторожно, почему-то стараясь не шуметь, выдохнул: свет горел, индикаторы не погасли, виртуальная картинка оставалась в пространстве каюты. Нейропроцессор работал.

«Вывести отчет о состоянии систем».

Длинный ряд цифр и короткое предложение: «Состояние движения в гиперпространстве».

Тьфу!

«Зодиак», обновить состояние системы!» – это был Грац. Он наблюдал за нерешительными действиями Захара, он все видел. Сидел в своей каюте и, наверное, посмеивался над сомневающимся кибертехником. Если уж говорить серьезно, то в психиатрии Грац разбирался куда лучше Захара.

На одно короткое мгновение, за которое Захар успел почувствовать, как предательски выползающий из подсозна-

ния страх заставляет неметь кончики пальцев, свет погас. На миг корабль умер, чтобы спустя секунду, подобно фениксу, возродиться.

Металлические, обитые мягким пластиком стены едва заметно дрогнули, и Захар ощутил, что его тело слегка налилось тяжестью, – заново включился ротор диска жилого отсека.

Контрольная проверка логических схем «Зодиака» – на всякий случай – неполадок не выявила. Полный порядок. Только все равно спокойно.

«Ориентация», – отдал команду Захар.

Доля секунды раздумий, и результат готов – искусственный интеллект корабля не мог определить свое местоположение. «Зодиак» почти лишен эмоций, но чувство, которым он заполнял вирт-эфир, можно было назвать замешательством – корабль не знал, где находится, и не мог вспомнить, как сюда попал. Только чувства вины за погубленные в своем корабельном чреве души не хватало. Все-таки он был «псевдо», а не настоящий разум.

– Все в порядке? – послышался голос Станислава. Он стоял рядом с эргокреслом Захара. Кибертехник и не заметил, как врач вошел в его каюту.

Захар внимательно посмотрел на Граца – тот улыбался, но на дне темных, прищуренных глаз притаилась печаль. Он сам не верил своей улыбке.

– Да, – после секундной паузы произнес Захар, – нормаль-

но. Работает.

Только не было все нормально. Ненормально было – они оба отлично это понимали. И остальные – тоже. Лишь у Лившица плохо получалось скрывать свое понимание.

– Вот и хорошо, – сказал Грац.

«Зодиак» перебирал варианты – данных решительно не хватало. Даже своим мощным «глазом» звезд он видел ничтожно мало, для того чтобы локализовать себя. Разброс вероятностных точек был чудовищен – несколько десятков тысяч световых лет.

Команда собралась в рубке. Все ждали результатов. Результатов не было, люди нервничали и глупо шутили, усердно изображая беззаботность и уверенность в завтрашнем дне.

– Нас не найдут, – тихо, без эмоций, но так, что все разом замолчали, сказал Грац.

– Да, – подтвердил Клюгштайн и шмыгнул носом. Похоже, ему просто необходимо было отметить этот факт для самого себя. Поставить галочку против выбранной фразы.

– Где же мы? – прошептал Лившиц. Шепот его перемелся хрипами и бульканьем, доносившимися откуда-то из глубин горла. Он изо всех сил старался не закричать.

Странно! Ведь он самый подготовленный к встрече с неизведанным! Захар еще раз отметил, что от Лившица не ожидал подобной реакции.

– В космосе, – невесело усмехнувшись, ответил кибертех-

ник.

– Именно, – подтвердил биолог.

Гертруда отошла к пульту и села в кресло. Она не моргая смотрела на обзорный экран, показывающий непроглядную тьму вокруг «Зодиака». Грац безмолвствовал.

«Правильно ли он поступает? – подумал Захар. – Ведь если начнется истерика, если команду охватит паника, остановить безумство будет крайне затруднительно. Если вообще возможно. Или он намеренно это делает? Может, лучше сразу покончить с бессмысленностью бытия, а не жить несколько месяцев запертыми в консервной банке, осознавая, что смерть неизбежна? Зная, что верный «Зодиак» превратился в надежную братскую могилу и будет целую вечность парить по безбрежным просторам Вселенной? Корабль тоже умрет, только позже – реактор работает долго, но не бесконечно».

– Можно ведь что-то сделать, подать сигнал? Радио, лазер. Что у нас есть? – Лившицу пока удавалось сдерживать крик, который настойчиво пробивал дорогу из недр его грудной клетки наружу.

– Люциан, вы представляете себе мощность сигнала, который дойдет до обитаемой части Галактики? Комариный писк покажется грохотом Ниагары в сравнении с ним. Не говоря уже о том, что до обитаемых планет могут быть десятки тысяч световых лет, и мы даже примерно не представляем, в каком направлении они расположены.

И все-таки вземелец не выдержал.

– Мы же все умрем! – истерично завизжал он.

Гертруда внезапно вскочила с кресла и наотмашь ударила Лившица по лицу. Тот перестал орать и, жалобно всхлипывая, повалился на свободное эргокресло, зарывшись в мягкую поверхность лицом.

– Заткнись, – не разжимая зубов, прошипела планетолог.

– Сдается мне, – сказал Клюгштайн, – никто из нас и не планировал жить вечно. Так что все идет своим чередом.

– Там что-то есть, – бросила Гертруда, вернувшись к созерцанию черного экрана.

Никто не обратил на ее слова внимания, все с интересом рассматривали рыдающего Люциана, хотя Грац при этом явно думал о чем-то своем. На лице биолога застыла вялая, немного отдающая идиотизмом улыбка – ему было жаль Лившица, и вместе с тем поведение Люциана его рассмешило.

Захар, безрезультатно пытающийся подавить захватывающее разум чувство обреченности, думал о том, что истерика вземельца – это только начало. Чего ждать от остальных? А от самого себя? Собственная психика казалась незыблемой, как древняя цитадель, но еще ни одна цитадель не простояла вечно.

– Нам нужно подсчитать ресурсы, – сказал Грац. – Согласно инструкции – теперь командую кораблем я. Учитывая, что ситуация выходит за рамки, предусмотренные инструкцией, предлагаю обсудить кандидатуру капитана: если

большинство сочтет меня негодным командующим, возражать против другой кандидатуры я не стану.

– Да бросьте, Станислав, – сказал Клюгштайн. – Вы у нас самый опытный, космический волк, можно сказать. Я не возражаю.

– Я тоже, – сказал Захар.

Вопрос власти в сложившейся ситуации казался глупым и бессмысленным. Теперь все потеряло значение.

– Люциан, а вы? – спросил Клюгштайн.

– Делайте что хотите, – отмахнулся Лившиц. Он больше не хныкал, но с эргокресла не поднялся.

– Гертруда?

Планетолог согласно кивнула, послав в вирт-эфир подтверждение кандидатуры Граца, но произнесла другое, не сводя глаз с обзорного экрана:

– Там что-то есть. Ничего не видно, слишком темно. Но там определенно что-то есть.

Захар заглянул в черную бездну на экране. Там ничего не было. «Квадрат» Малевича, геометрия безысходности. Даже звезды не видны в этом ракурсе. Началось? Смерти ждать не придется – раньше они все сойдут с ума. Человек настолько мал и ничтожен перед безграничностью космоса, перед его всепожирающей тьмой, что долго их сознание не выдержит. Когда привычные ориентиры внутри корабля примелькаются настолько, что перестанут отделяться от великого ничто за иллюминаторами, им всем придет конец. Независимо от

того, какие ресурсы удастся сэкономить Грацу к тому времени. В этих краях Робинзону не дожидаться Пятницы. Но у Герти началось как-то уж слишком рано.

– Там ничего нет, Герти, – сказал Фриц. Улыбка ни на минуту не сходила с его лица, он желал облагодетельствовать всех.

– Экран черный, Гертруда, – подтвердил Грац. – И на радаре ничего нет.

Захар тоже успел просмотреть в виртуальности данные радара. Грац говорил правду.

Планетолог повернулась, внимательно посмотрела в глаза каждому и усмехнулась:

– Думаете, я с катушек слетела? Глюки у меня, думаете?

– Бросьте, Гертруда. Такое с каждым может случиться.

Захар продолжал вглядываться в беспросветную тьму экрана. Он решительно ничего не видел. Совершенно. Очень хотелось обнаружить там светящийся диск планеты или точку с росчерком плазменных двигателей другого корабля. Ведь это спасение, это – жизнь. Пусть и не вечная, как говорит Клюгштайн. Но экран был черен, как уголь ночью.

– Там есть что-то, – повторила Герти. – Сейчас не видно, мы повернулись. Я не уверена, но оно слабо отражало свет.

– Какой свет, Гертруда? – спросил Грац.

Планетолог пожала плечами:

– Звезд?

Долго они еще будут гадать? Будто не было способа раз-

решить спор.

– Давайте включим «лягушачий глаз»⁵, – предложил Захар.

– А действительно, – оживился Фриц.

Захар почувствовал, что «Зодиак» ждет разрешения активировать прибор. Корабль внимательно следил за ходом разговора. Не упускал нейроэлектронный мозг корабля и ни одной дозволенной для него мысли членов экипажа. В вирт-эфире пронеслось разрешение, данное Грацем, – корабль признал его своим капитаном, получив одобрение команды.

На черном экране появилось несколько тусклых точек – всевидящее око «Зодиака» начало ловить фотоны. Вот зажглось еще несколько светлячков. И еще.

Там были звезды. Или что-то, что свет этих звезд отражало. Учítывая, что все видимые далекие светила неизвестных планет, которые можно было пересчитать по пальцам одной руки, располагались на противоположной стороне «небосклона», более вероятным становился второй вариант.

Команда, затаив дыхание, следила за проявляющейся картинкой. Даже Лившиц оторвался, наконец, от спасительного кресла и тоже смотрел на экран.

Прошло добрых полчаса, когда стало ясно, что источником частиц света, отпечатывающихся на фотофорах «Зодиака», были не звезды. Точнее, не все точки были звездами.

⁵ Глаз лягушки может улавливать отдельные фотоны, поэтому интенсивность света для нее не имеет значения.

За это время никто не произнес ни слова.

На экране, переставшем пугать аспидной чернью, отчетливо прорисовывались контуры странного объекта, формой напоминающего немного приплюснутый с одного полюса шар, окаймленный на противоположной стороне шаровидными же наростами.

Картинка, каждую секунду становившаяся четче, напоминала детскую головоломку, где в мешанине разноцветных точек нужно узнать собачку или ракету. Только получившееся изображение ни на что известное похоже не было.

Зодиак запросил разрешение на определение дистанции до объекта и, получив одобрение нового капитана, выстрелил в чудище из лазерного дальномера. Нижнюю часть экрана разрезала яркая полоса – фотофоры поймали блик лазера.

Людам показалось, что время ползет, словно сонная улитка, а ответа «Зодиака» все нет. Какого же эта махина размера? Наконец в поле зрения появилась цифра – «Зодиак» завершил измерение. Однако: четверть расстояния до Луны. И с такой дистанции объект отлично виден, во всех деталях. Планетоид? Беглая планета? Только какой системы? – никаких звезд по соседству не наблюдалось.

– Мы что же, нашли планету? – нарушил тишину Клюгштайн и шумно потянул носом воздух.

– Прекратите немедленно обстреливать *это* лазером! И закройте наконец иллюминаторы – *ему* может не нравиться наш свет, – прошипел Лившиц.

Его голос был тихим, но властным. Люциан почувствовал себя на коне, ему явно расхотелось умирать. И вообще, судя по всему, он больше не думал о смысле жизни – смысл висел в пространстве прямо перед ними.

Все замерли, все пребывали в замешательстве. Один только Лившиц, похоже, не ведал сомнений. Грац отдал приказ закрыть иллюминаторы. Захар понял: никому, кроме веземельца, не пришло в голову, что обнаруженный Гертрудой объект может иметь искусственное происхождение. Но ведь это так очевидно – правильные формы, явно технологические наросты в нижней части.

Он, оказывается, уже определился, где у объекта верх и низ. Подсознание не обманешь.

– Вы что, Люциан? – биолог все понял, фраза вылетела по инерции.

Лившиц на секунду задержал взгляд на Фрице. Улыбка у того сползла, исчерченное морщинами лицо биолога выражало задумчивость и смятение.

– Да, Фриц. Да, – произнес Лившиц.

Не нравилось Захару, что веземелец так легко вжился в отведенную ему роль. Не нравилось. Не любил он, когда люди считали позволительным понукать другими, когда свое мнение считали единственно правильным, свое знание – истинным. Сотрудники Института веземной жизни были такими все. За почти сотню лет, что существовал институт, организация превратилась из сугубо научного учреждения во

властный, контролирующий любые космические изыскания орган. Шагу без них ступить было нельзя.

Это они, великие теоретики несуществующей науки, разрабатывали инструкции и жестко карали тех, кто пытался уклониться от исполнения предписаний. Внеземельцам была дана власть, на них делали ставки. Особенно теперь, когда внеземная жизнь все-таки была найдена.

– И что вы предлагаете делать? – спросил Грац. Всем своим видом Станислав выражал глубокий скепсис относительно здравомыслия внеземельца.

Опасения доктора не замедлили оправдаться.

– Нам необходимо остановить исследования в данном секторе, – четко выговаривая слова, словно робот, произнес Лившиц.

На секунду в рубке повисла тишина. Потом Ключштайн учтиво закашлялся, а Гертруда прыснула, закрыв лицо ладонями. Захару, однако, смешно не было. Ему вдруг сделалось грустно – они попали в переплет, и, по всей видимости, им не спастись, а этот контролер-догматик... Нет, но только подумайте, всего каких-то полчаса назад этот боец за праведное соблюдение инструкций незабвенного Института внеземной жизни рыдал, словно ребенок, у которого отобрали леденец. А теперь – орел! Теперь у него есть место, куда те самые инструкции приложить можно.

– Вы в своем уме, Люциан? – поинтересовался Грац. – Какие исследования? Или у вас есть инструкции на все случаи

жизни?

– Ты лучше расскажи, в каком конкретно секторе нам теперь запрещено проводить исследования, – рассмеялась планетолог.

Лившиц закусил губу, неистово кромсая нежную кожу зубами. Опять разрыдается?

– Делайте, как знаете, – махнул он рукой.

– Хорошо, – согласился Грац. – Только...

– Только запомните, – перебил его взвешивая, – я вас предупредил – контакт с иной цивилизацией может быть опасен. Даже изучение артефактов иных разумных таит в себе угрозу.

– Не переживайте, Люциан, – сказал Грац, – ответственность я возьму на себя.

Все благодарно посмотрели на доктора, поскольку желали увидеть поближе хозяина здешней тьмы, что висел в сотне с небольшим тысяч километров, безмолвно взирая на потерявшийся корабль землян. Они потерялись – об этом никто не забыл. И есть ли смысл в каких бы то ни было исследованиях, которые неминуемо сожрут ресурсы, понизят жизнеспособность корабля и неотвратимо приблизят нависшую над ними угрозу? «Это уже не угроза, – подумал Захар. – Наша относительно скорая смерть не подлежит сомнению, с ней уже все смирились. Только не подают виду, усиленно изображая, что их жизни еще что-то значат».

И еще один момент, которому никто, кроме кибертехни-

ка, не придал значения. Лившиц, проявив свое, по всей видимости, природное безволие, передал власть на корабле обратно Грацу. Да, именно обратно! Похоже, никто не заметил, что внеземелец активировал зашитую в псевдоразум «Зодиака» защиту, переключив управление на себя. А потом отказался от власти. Понял ли сам Люциан, что сделал? Захар в этом не был уверен.

– Мы летим туда, – сказал Станислав. – Изучим объект: он может оказаться космическим кораблем чужих. Возможно, с его помощью мы вернемся домой. Он же сам как-то сюда добрался.

– А вы не думаете, что его постигла та же участь? – спросил биолог.

– Я ничего не думаю, – ответил Грац, – я не знаю. Других вариантов у нас все равно нет.

Корпус «Зодиака» вздрогнул: плазмогенераторы закачивали топливо в ускорители, корабль готовился начать движение. Новый капитан уже отдал команду на сближение с объектом. Кромешную тьму открытого космоса прорезали три ярких огненных столба. Мощь ионно-плазменных двигателей потрясла человеческое воображение, но здесь, в безбрежном холодном пространстве, рожденный человеком огонь терялся, выглядел маленьким и незначительным. Хорошая терапия для страдающих манией величия.

– Вопрос ответственности теперь не важен. Вы же ничего не понимаете! Это вопрос выживания, – неожиданно бросил

Лившиц и вышел из рубки.

Грац сделал вид, что не заметил слов внеземельца. Он поднялся, потеряв затекшую поясницу, и, направившись к выходу, сказал:

– Всем занять эргокресла. Через минуту «Зодиак» начинает разгон.

3. Стратегия

Захару было беспокойно. Он закрылся в своей каюте и пытался заснуть, но лишь измял, ворочаясь, постель.

После прибытия к объекту разгорелись споры, как его лучше исследовать.

Лившиц теперь отмалчивался. На все вопросы, адресованные к нему, как к специалисту по проблеме, отвечал односложно и однообразно. По его разумению выходило, что этого нельзя делать. Нельзя приближаться, нельзя сканировать, нельзя пытаться наладить радиосвязь. Нельзя было даже смотреть на него.

Собственно, рассматривать объект в иллюминатор все равно не получалось – Грац, несмотря на запреты внеземельца, открыл одну из шторок, но взгляду было не за что зацепиться в непроницаемой тьме. Иллюминатор потерял свое гордое название, ибо осветить здесь он ничего не мог.

Захар тоже с интересом вглядывался в непроглядную черноту космоса, до боли в глазах. Там не было ничего. Но все же что-то не давало теперь покоя.

Стойкое ощущение, что на тебя кто-то смотрит, вот что пришло оттуда.

И даже после того, как под вопли взбешенного Лившица иллюминатор закрыли, оно не исчезло. Даже сейчас, здесь, в каюте, казалось, что объект изучает, видит все насквозь,

заглядывает в душу, пытаясь выведать самое сокровенное.

Может, прав Люциан, запрещая смотреть в черноту холдного космоса?

Грац с Клюгштайном остались в рубке – обсуждают планы вторжения. Они нашли себе смысл жизни. Теперь это несложно – делай хоть что-нибудь, в этом и будет смысл. Теперь нет никаких запретов, они ответственны только друг перед другом. Пока все делают вид, что жизнь на корабле идет, как обычно. Это пока.

Еще не пришло полное осознание безнадежности. Еще кажется, что проблема временная. Серьезная, но ее можно решить. Или решить нельзя, но она чудесным образом решится сама собой. Трудно поверить в смерть, пока не начнешь умирать по-настоящему.

Черт возьми, но откуда это чувство, что на тебя постоянно кто-то смотрит? Интересно, только у него крыша едет или все теперь чувствуют то же самое?

Захар резким движением натянул одеяло на голову. Как в детстве. Раньше помогало от любых страхов. Казалось, что уж под одеяло никто забраться не сможет. Но ощущение чужого взгляда не исчезало. И здесь, в темноте и духоте, кто-то смотрел. Заглядывал внутрь, беспардонно, не спрашивая разрешения.

Нет, так дело не пойдет. Нужно заснуть, он наверняка просто переутомился – столько всего случилось. Нужно заснуть, а когда проснешься... утро вечера мудренее, так ска-

зять. Только заснуть бы.

Захар ворочался, наматывая одеяло на себя. Сон не шел. Нужно попросить помощи у «Зодиака». Мозг корабля немедленно подключил Захара к виртуальной реальности. Вокруг завибрировало, каюта куда-то провалилась, пространство залило огнем. Разноцветные сполохи кружили хороводы, закручивались в спирали, взрывались ярким великолепием фейерверка.

Разбудили Захара звук чьего-то голоса и чужое дыхание. Сонный кибертехник, памятуя о недавнем настырном взгляде, открыл глаза и наотмашь врезал в незнакомую физиономию, нависшую над ним. Это был Грац.

– Не очень-то вы любезны, – сказал доктор, потирая ушибленную скулу.

– Простите, Станислав. Вы тоже хороши – зачем было врываться в мою каюту? Отчего вы не попросили «Зодиака» разбудить меня?

– Лившиц отключил вирт-эфир по всему кораблю.

– Как?!

Захар вскочил, будто ужаленный. Без вирт-связи невозможно управлять корабельной системой сложных Garamondi совершенно незаменимых кибернетических механизмов. Да что там киберы! – самим «Зодиаком» в полной мере без виртуальности управлять невозможно. На все случаи жизни пультов ручного управления не наделаешь.

– Не беспокойтесь, это временная мера, пока мы не узна-

ем, с чем имеем дело. Лившиц прав: нам стоит опасаться. Мы не знаем, что это и кто может быть там внутри.

– Хочешь мира – готовься к войне?

– Ну, не все так плохо, – усмехнулся Грац. – Сначала нужно выяснить, чего они хотят.

– Они?

Грац развел руками. Понятно, тайное не стало явным. И Лившиц тоже в инструкциях запутался. Решения нет. Есть только гипотетические «они». Так проще – поделить мир на «нас» и «их», на черное и белое, не принимая во внимание, что все, в сущности, – нет, даже не серое, – разноцветное. Захар тяжело вздохнул.

– Будем определять стратегию общим голосованием? – спросил он.

– Да. Лившиц знает только то, чего делать нельзя, а что делать должно, он не в курсе. Других специалистов по контактам у нас нет.

– А где они есть?

Не было никаких контактов. А посему не было и специалистов. Одни теоретики вроде Люциана. Специалисты по инструкциям. Хотя как знать – вот установят они сейчас контакт, подружатся с могущественными, добрыми и справедливыми инопланетянами, и что? Кто об этом узнает? Им же, могущественным и справедливым, не так-то просто, должно быть, втолковать, что неплохо бы нас, таких не менее развитых (сумели ведь сюда добраться!) и не менее мудрых (кон-

такт-то наладили!), домой доставить.

– Гм. Наверное, в Институте внеземной жизни. Штаны протирают.

Захар шел по коридору жилого отсека. Кряжистая фигура Станислава маячила впереди. Доктор ступал уверенным шагом человека, не имеющего сомнений в завтрашнем дне. Или он действительно видел перспективы?

Зудящее внутри чувство не исчезало, настойчиво хотелось поискать на обитых мягким пластиком стенах глаза, не мигая глядящие на него, Захара. Кто-то настойчиво томографировал его душу, снимая срез за срезом.

Они? Может быть. А может, собственное сознание шутки шутит. Неужели Грац ничего не чувствует? Судя по уверенному шагу и твердому взгляду вперед – нет. Рассказать ему, он ведь врач? Нет, пока не стоит.

В рубке все уже собрались. Лившиц метался взад и вперед в самом центре, словно лев в тесной клетке. Внеземелец нервничал и негодовал, что приходится кого-то ждать. Его светлые водянистые глаза укоризненно вперились в Захарову переносицу, стоило только появиться на пороге. Руки усиленно дергали карманы брюк, будто что-то невероятно важное застряло там, не желая быть явленным миру. Лившиц волновался, он хотел говорить, у него были планы. Но вот воплотить их в жизнь он явно опасался.

Клюгштайн, опершись о пластиковую консоль, смотрел в закрытый бронированной ставней иллюминатор. Пальцы

ритмично выстукивали по пластику одному ему известную мелодию, он то и дело шмыгал носом. Биолог задумчиво улыбался, явно думая о чем-то глубоко личном.

Гертруда, изогнувшись сразу во всех трех измерениях, полужела в кресле, уткнувшись головой в панель ручного управления кораблем. Глаза ее были закрыты, но она не спала – ноги планетолога совершали внизу сложные танцевальные па, отчего кресло, закрепленное на шарнире, конвульсивно подергивалось.

В рубке царила нервозность. Состояние кибертехника, похоже, отлично вписывалось в здешнюю атмосферу, и только один Грац излучал спокойствие и непоколебимость принципов.

– У кого есть предложения? – спросил Грац, не успев даже сесть.

Лившиц остановил броуновское движение по рубке, резко повернулся к доктору и вдохнул побольше воздуха. На скулах заиграли желваки, синюшная вена вздулась на лбу. Лившиц был зол. Лившиц был взбешен. Он не желал терпеть и не хотел мириться. Но он не знал, не ведал и вообще – потерял логику и смысл действий, предлагаемых Станиславом. Захар понял, что сейчас будет истерика.

Внезапный махал руками, гневно кричал, переходил на визг и отплевывался ругательствами. Он всячески пытался доказать самому себе, что необходимо, что без него все пропадут. Он знал, что это не так, но никак не желал верить оче-

видному. Захар не слушал его. Впрочем, как не слушал его никто другой. Это был монолог для самого себя. Люциан не нуждался в зрителях.

Мысли текли неспешно, оттененные буйством Лившица. Захар смотрел на Граца. И пытался понять, о чем думает доктор. Интересно, что он за человек? С Грацем Захар не был знаком до этой экспедиции. Много слышал о «железном поляке», но никогда не встречался с ним лично.

Слухи о Станиславе ходили самые разные. Захар не любил слухов, не доверял им, считая гнусностью говорить о человеке за глаза, пересказывать чье-то мнение, может быть, лживое. Но информация тем не менее откладывалась в голове. Информация, гигантским цунами захлестнувшая мир, наводнившая его нужным и бесполезным, впитывалась в сознание, словно вода в губку.

Приземистый Грац, казалось, вращал ступнями в шероховатое покрытие пола рубки. Его фигура, словно скала, застыла в самом центре вытянутого эллипсом и немного изогнутого по кривизне вращающегося диска «Зодиака» помещения. Лицо – немолодое, сдобренное изрядной порцией морщин – было одновременно спокойным и решительным. Глаза, не двигаясь, смотрели на неистовствующего внеземельца, а губы, и без того тонкие, были плотно сжаты. Он ждал, когда утихнет буря.

Взгляд кибертехника медленно перешел на Гертруду Хартс.

Коротко стриженные, торчащие во все стороны, будто отродясь нечесанные, светлые волосы, довольно худая и невысокая, она скорее походила на хулиганистого мальчишку, чем на женщину тридцати с небольшим лет. Измятая и бесформенная, лишенная каких-либо признаков половой дифференцировки одежда только усиливала выбранный ею образ. Лишь одна деталь подчеркивала женское начало Гертруды: ее маникюр всегда был идеален.

Герти – планетолог, одна из лучших. Захар знал ее не один год, они успели побывать в трех совместных экспедициях. Она всегда избегала людей, была настоящим волком-одиночкой. Легко находила контакты со всеми членами экипажа, но никогда этих контактов не поддерживала. И она всегда была чем-нибудь недовольна. Только выяснить чем, не удавалось. Гертруда была отличным специалистом, поэтому ее воспринимали такой, какой она была, и в душу к ней не лезли.

Оставалась еще одна странная деталь – Хартс явно знакома с вземельцем. Интересно, где они познакомились? Лившиц прилип к ней, словно к родной, хотя Герти не выражала ответной благосклонности.

В данный момент планетолог ковыряла аккуратно сформированным ногтем приборную панель пульта ручного управления. Можно подумать, что нет для нее сейчас во всей Вселенной более важного занятия.

Клюгштайн. Высокий сухопарый старик, с умными, слегка прищуренными глазами, от уголков которых разбегались

мелкие морщинки. Фриц смотрел на бушующего Лившица, слегка наклонив голову вбок, будто шея его устала держать непомерный груз и решила временно передохнуть. На его устах замерла блаженная, чуть снисходительная улыбка. Он то и дело шумно втягивал ноздрями воздух – не то аллергия, не то дурная привычка. Лившиц ему был до лампочки, он размышлял о чем-то своем.

Великолепный элементарный биолог, Фриц был способен разложить любую клетку на составные части, изучить их, рассказать, чем живет весь организм и, что самое непостижимое, собрать это молекулярное барахло обратно. Захар не летал с биологом в экспедиции, однако неоднократно видел его блестящие вирт-выступления.

По всему, Клюгштайн был существом добрым и даже мягким. Обидеть его не получилось бы – доброжелательность старика хлестала через край, и ее с лихвой хватало на то, чтобы превратить ссору в случайное недоразумение.

Наконец буря улеглась, вулкан заткнулся. Остывающие потоки лавы еще стекали двумя слюнявыми полосами по краям замолчавшего кратера, побелевшими губами Лившиц все еще хватал воздух, все еще вращал налитыми кровью глазами, а кулаки конвульсивно сжимались и разжимались, будто помогая уставшему сердцу гонять кровь по сосудам. Однако его уже отпустило.

Люциан был личностью таинственной и подозрительной. Именно таким ему и полагалось быть по штату. Все-таки –

соглядатай вземельцев. Его реальных полномочий до конца не знал никто – все окончательные данные хранились в секретных файлах «Зодиака», доступ к которым имел только сам Лившиц. Хотя кого теперь интересуют полномочия?

Откуда он появился и как вообще попал в экспедиционный корпус, неизвестно. Разве что Герти могла это знать, но она усиленно делала вид, что ей Лившиц малознаком и вообще неприятен. Как знать, возможно, дела обстояли и так.

Здесь, на краю света, все это не имело ни малейшего смысла. Их прошлое, их отношения, их любовь и ненависть. Здесь был только сегодняшний день. Будущего не было. Прошлого тоже – то, что осталось на Земле, превратилось в воспоминания, невидимую виртуальную реальность каждого. Осталось лишь несколько месяцев жизни в тюрьме исследовательского корабля «Зодиак», потерявшего своего пилота и неспособного найти дорогу домой. Десять земных месяцев (или около того) на всех. Или пятьдесят, возможно, с небольшим – на каждого. Будут грызть друг другу глотки?

Захар усмехнулся своей мысли – для чего, кто от этого выиграет? Тот, кто станет «царем горы», медленно и мучительно умирая от нехватки воздуха? Почувствует ли он себя победителем? Или убийцей, дождавшимся сурового наказания? Пятьдесят месяцев в комфортабельной камере-одиночке на краю света – вот она, настоящая пытка.

– Почему вы улыбаетесь? – с неприязнью спросил Лившиц. Тыльной стороной ладони он вытер подбородок, с удив-

лением посмотрел на мокрую руку и уставился на кибертехника.

Захар не сразу понял, что вземелец обращается к нему. Ситуация выглядела по-дурацки: Захар спохватился, перевел взгляд на Лившица, но огонь мысли уже угас, и сделалось как-то неловко, неудобно. Улыбка медленно сползла с губ, уступив место замешательству.

– Подсчитываю шансы выжить, – мрачно ответил кибертехник.

Вземелец, яростно пожевывая губы, медленно поднял дрожащую от напряжения руку, пальцы на которой все продолжали сжиматься и разжиматься, словно намеревался задушить кибертехника, а потом бессильно махнул ею и, скривившись от горечи и омерзения, сел в кресло. Он принял расслабленный вид, глаза его покрылись поволокой безразличия.

– Если больше ни у кого нет... предложений, – сказал Грац, сделав короткую паузу, – то я готов изложить свой план действий.

Все, включая безразличного Лившица, остались на своих местах. Никто не повернулся к Станиславу, никто не изменил позы. Но что-то поменялось в людях – команда была готова слушать.

– Итак, – начал доктор, – вы все знаете, что мы потерялись. Более того, у нас больше нет пилота. Мы...

– Давайте опустим вступительную часть, – не поднимая

головы с пульта, промычала Гертруда.

– Впрочем, давайте, – согласился Грац. – То, что находится здесь в темноте, в полутора тысячах километров от «Зодиака», может оказаться кораблем чужих. Все это понятно. – Он сделал паузу, будто задал вопрос и ждал, не найдется ли недопонявших. – Люциан прав, – последовал кивок в сторону Лившица, но внеземелец продолжал делать вид, что ему абсолютно безразлично происходящее на корабле, – мы не можем просто так вторгаться туда. Мы не знаем, что там. Возможно, корабль пустой. Возможно – это вовсе не корабль. Но мы должны попытаться.

Последняя фраза была адресована лично Лившицу. Грац даже повернулся в сторону лежащего в кресле внеземельца.

– Мы должны. Это наш единственный шанс. Возможно, техника чужих поможет нам вернуться домой. Или...

– Или они заявятся к нам домой самолично, – добавил Лившиц, смотря в пространство перед собой.

– Мы не знаем, есть ли там кто-нибудь, – повторил Грац.

– А как вы планируете это узнать?

– Люциан, заткнись! – это была Гертруда. Она произнесла фразу тихо и спокойно, даже на секунду не оторвавшись от панели, которую ковырял ее ноготь. – Все уже имели удовольствие тебя выслушать.

Лившиц посмотрел на нее, не поворачивая головы, но замолчал. Похоже, он не решался перечить ей. От Захара не ускользнул взгляд внеземельца – взволнованный, может

быть, даже затравленный. Он явно пытался скрыть замешательство. Что же все-таки их связывает?

– Прежде всего необходимо понять, с чем мы имеем дело. Мы видели лишь смутный силуэт, показанный нам «глазом лягушки», и только из-за симметрии форм решили, что перед нами продукт деятельности разумных существ. Доказательств пока маловато.

– Вы собираетесь... – начал было Лившиц, но, бросив взгляд на Гертруду, замолчал.

– Мне кажется, сомнений в искусственном происхождении этой штуки, – сказал Захар, кивком указав на голоэкранный объект, – особенных нет. Даже если допустить, что неразумная природа могла создать подобную конструкцию, как это попало сюда?

– Но в любом случае нам необходимо тщательно изучить сам объект. Его структуру, его устройство. Пока мы даже не знаем, с какой стороны к нему подступиться.

Планетолог отвлеклась от своего занятия и обратилась к Грацу, смотря на него снизу вверх:

– Так что вы предлагаете? Может быть, расскажете наконец?

– Да, конечно. Как капитан, – в голосе Станислава появились стальные нотки: он решил напомнить, кто теперь главный, – я обязан был выслушать мнение каждого, прежде чем принять окончательное решение.

После этих слов взвизгнул странно подпрыгнул, словно собрался куда-то бежать, схватился за запястье левой руки, а потом, окинув всех находящихся в рубке быстрым воробьиным взглядом, снова опустился в кресло. Только поза его осталась напряженной, а глаза смотрели словно бы внутрь головы.

– Грац, бросьте, – сморщила недовольную мину Герти, – мы не в том положении, чтобы соблюдать формальности. В конце концов, вы что, не видите, что никому, кроме Люциана, дела нет до ваших планов по установлению контактов с пришельцами? Нет у нас никакого мнения. У меня, во всяком случае, нет. Решите залезть этой штуке в потроха – я согласна. Все равно здесь больше заняться нечем.

– Мы остаемся свободными людьми, несмотря на сложившуюся ситуацию, – вдруг подключился к разговору Клюгштайн. – Или вы согласны выполнить любой приказ?

– Перестаньте, Фриц, – одернул его Грац.

– Я согласна выполнить то, что мне интересно, – ответила ему планетолог, – а та штука за бортом меня очень занимает.

На несколько секунд в рубке воцарилась тишина. Слышно было лишь пыхтение доктора. Станислав усиленно делал вид, что он спокоен, но ему с трудом удавалось сдерживаться. Еще не прошло и суток, как они потерялись, ужас небытия едва успел лизнуть их души своим холодным языком. А что будет через неделю, месяц? Или люди ко всему привыкают? Возможно, ожидание смерти может тоже надоесть и

сделаться однообразным.

– Орешкин и Хартс совершат облет объекта на малом корабле. Возьмите «Таурус», – новому капитану надоели разброд и шатания в команде. Он больше не спрашивал ничего мнения. Он отдавал приказы. – Лазерным дальномером максимально просканируете поверхность объекта. Вам, Орешкин, задание: составьте алгоритм движения и сканирования, чтобы по полученным данным сформировать модель объекта. Хартс приготовит к полету малый корабль Таурус. Остальные в резерве. Вопросы есть?

– Есть, – это снова был Лившиц.

Внеземелец поднялся на ноги, глаза его горели, он снова был полон решимости.

– Вы что же: собираетесь вот так взять и прощупать лазером всю поверхность объекта?

– Именно так, – подтвердил Грац и отвернулся. Он давал понять Люциану, что разговор окончен и возражения не принимаются.

– И вы уверены, что поверхность этого... сооружения не покрыта высокочувствительными к свету рецепторами?

Судя по всему, Станислава внеземелец достал окончательно. Доктор резко повернулся, едва не потеряв равновесия, сделал шаг вперед и, оперев оттопыренный указательный палец в грудь оппонента, злобно прошипел:

– Я ни в чем не уверен, кроме одного: если вы продолжите свою борьбу за неприкосновенность объекта, не предлагая

при этом ничего дельного, я отдам «Зодиак» распоряжение посадить вас под домашний арест. Будете коротать время в пределах своей каюты!

– Но вы же ни черта не смыслите в установлении контакта с иным разумом! – выкрикнул Лившиц. Его сжатые в кулаки руки мелко дрожали, на лбу снова вздулась синеватая вена. Но теперь это не было истерикой – взнеземедец отстаивал свое мнение.

Гертруда переводила взгляд с Граца на Лившица. Трудно было сказать, на чьей она стороне. Возможно, и ни на чьей, скорее всего, ей надоели перепалки этих двоих.

Захар подумал, что ему, в сущности, все равно, кто из них прав. Ему, так же как и Герти, надоели бессмысленные споры. Они находились в глубоком космосе, на окраине Галактики, может быть, даже за ее пределами, отрезанные от дома гигантским газопылевым облаком и немислимым расстоянием. Нет разницы, как исследовать случайно оказавшийся в этом месте объект, будь он хоть трижды искусственно-го происхождения, – все равно они не могут вернуться домой и проконсультироваться со всезнайками из Института внеземной жизни. Захар мало верил в идеи Граца по поводу того, что эта космическая глыба сможет помочь им найти путь домой, но делать все равно нечего, а любая работа, любая деятельность, пока она может вызвать хоть какой-то интерес, не даст сойти с ума, слететь с катушек от безделья и обреченности.

На лице Ключштайна отразилась буря эмоций, бурлящая глубоко внутри. Та нестабильность мимики, что можно было наблюдать, явилась проявлением глубокого замешательства, в которое впал биолог.

– Но, Станислав, Люциан, в сущности, прав. Мы не можем вот так нападать на них, – пробормотал он.

– На кого? – взревел Грац. – Вы уже точно знаете, что в чреве этого космического пупыря обязательно обитают зеленые человечки? Или чего вы еще от него ждете?

– Так, собственно, мы ведь даже не знаем, что оно собой представляет, – неуверенно проговорил Ключштайн.

– Мы начинаем обследование объекта! – провозгласил Грац, будто выступал с трибуны перед собравшимися поклонниками теорий внеземной жизни. – Это приказ, и за его невыполнение виновные будут наказаны! А если кому-нибудь что-то не нравится, то смею напомнить – все согласились, что теперь я капитан.

Гертруда направилась к выходу из рубки. На пороге она остановилась и, обернувшись, сказала:

– Не забывайте, Станислав, что полномочия мы можем с вас и снять. Большинством голосов.

4. Вылазка

Грац распорядился надеть скафандры, а запрет на радиотрансляции не снимал. Мерное гудение климатической системы и шорох дыхания – единственные звуки внутри скафандра – казались оглушающим грохотом.

«Таурус», подчиняясь плавным движениям руки Захара, лежащей на джойстике ручного управления, медленно скользил по пологой дуге, огибая объект сверху. Прожектор отбрасывал на монолитную поверхность космического скитальца слабый блик света. Разглядеть что-нибудь в полумраке – тем более что до объекта около километра – было невозможно.

Герти ударила перчаткой по рукаву скафандра Захара. Кибертехник наклонился к ней, их шлемы соприкоснулись.

– Начинаем сканирование, – послышался приглушенный голос Герти.

Захар выставил вверх большой палец, бросил джойстик и запустил программу. Легкий гул и вибрация возвестили о начале самостоятельного маневра малого корабля.

«Таурус» выписывал размашистые круги вокруг парящей в пространстве глыбы, шаря острием лазерного луча по ее поверхности. Датчики фиксировали каждый измеренный миллиметр, чтобы потом передать полученные данные «Зодиаку». После их обработки будет готова трехмерная модель

объекта. Со всеми выступами и впадинами.

Собственно говоря, их интересовал вход. Люк, дыра, дверь – все, что угодно, что могло бы пропустить людей внутрь.

Захар полагал, что, если бы внутри этой штуки сидели живые инопланетяне, они бы уже давно дали о себе знать. Если, конечно, они в принципе собирались налаживать отношения с вновь прибывшими в этот богом забытый уголок Вселенной. Вполне возможно, у чужих есть свой аналог Лившица и им не позволено проявлять себя. Но хоть какая-то активность должна же быть.

Пока объект молчал. Во всех доступных «Зодиаку» диапазонах.

«Таурус» развил приличную скорость и продолжал кружить по плотной спирали вокруг космического объекта. От количества намотанных витков голова пошла кругом. Лившиц, наверное, негодует, ждет, когда инопланетяне ответят в праведном гневе огнем из всех пушек за то, что их лазером освещают. Смешно... Хотя от вида яркой точки лазерного дальномера, бегущей в полумраке по неровной поверхности объекта, отчего-то становилось не по себе.

Красный огонек на приборной панели, резанувший в убаюкивающей полутьме кабины по глазам, возвестил о завершении программы сканирования. Пора возвращаться.

Захар взялся за джойстик, развернул челнок на сверкающие огни «Зодиака» и нажал гашетку маршевого двигателя.

Корпус мелко завибрировал, и одиноко висящий в космосе корабль начал медленно приближаться.

Ну вот они и дома! Да, теперь это их дом. Весьма внушительных размеров и вместе с тем грациозный, с тонкими витиеватыми формами «Зодиак» казался маленькой щепкой в сравнении с парящим по соседству объектом чужих. Даже невидимый, тот подавлял своими габаритами, в несколько сотен раз превосходящими корабль землян.

Громоздкий скафандр с глухим щелчком зафиксировался в держателе на стене. Захар вытер рукавом пот со лба и шумно вздохнул – в космическом костюме работала совершенная система кондиционирования и регенерации дыхательной смеси, но все равно замкнутое пространство вызывало желание отдышаться.

– Ну, что там? – не дожидаясь, когда он закончит разминать затекшую спину, спросил Грац. Глаза доктора горели огнем.

– Ни зги не видно, – честно ответил Захар. – Мы будто в какое-то космическое болото угодили. Да, собственно, вы же знаете.

– Конечно, – энтузиазм Станислава несколько угас. – Но объект?

– Гладкая поверхность, никаких башен или надстроек. Детали не видно.

В рубке собрались все. По центру медленно вращался результат работы нейропроцессора «Зодиака» с полученными

ми «Таурисом» данными. Трехмерная модель корабля чужих в таком масштабе выглядела довольно четкой. Большой, немного приплюснутый шар по наиболее плоской поверхности окаймляли шары поменьше, внутри круга, который они образовывали, располагался четкий, геометрически правильный барельеф из пересекающихся линий.

Во всем облике объекта просматривались правильность и симметрия. Слишком сложная и нерегулярная структура для природного кристалла. Теперь сомнения в его искусственном происхождении были неуместны.

– Что это может быть? – спросил Грац, водя точкой указки по витиеватому орнаменту, красовавшемуся в основании шара. Было не совсем понятно, интересуется ли он мнением команды или просто размышляет вслух.

Захар не знал. Он не видел в этих вычурных, вздутых, словно дворцы эпохи барокко, формах функционального. Не было в них ничего технологического. Возможно, представший перед людьми объект и был межзвездным кораблем чужих, но, вне всякого сомнения, технологии их сильно отличались от земных. А может быть, эта глыба является чем-то вроде памятника, оставленного в безбрежном космосе неведомыми существами с неизвестной целью. Очень смущало, что никто так и не попытался выйти на связь – объект молчал, никакого контакта пока не намечалось.

– Думается, это не надпись, – вдруг изрек Ключштайн.

– Почему вы так решили? – спросил Грац.

– Фриц прав, – сказал Лившиц. – Если это действительно космический корабль, то нет никакого смысла украшать его лозунгами размером в полпланеты.

– Вспомните самолеты эпохи глобальных войн, – возразил Грац. – Пилоты частенько украшали свои машины девизами и рисунками. Даже сверхзвуковые истребители, на которых рисунок никто не смог бы увидеть.

– Вы думаете, это военный корабль? – усмехнулся Захар.

– Мы не знаем, – ответил внеземелец.

Опять разговор пошел не в то русло, подумал кибертехник. Вместо того чтобы действовать, искать выход, они сидят и обсуждают совершенно бессмысленные вещи. Какая, в сущности, разница, что означают эти витиеватые линии на днище объекта. Да и днище ли это?

– Но это определенно не надписи, – пробормотал Клюгштайн, в раздумьях разгрызая ноготь на указательном пальце. Он крутил головой, стараясь рассмотреть трехмерную модель со всех сторон. – Может быть, это силовая установка?

– Мы этого все равно не узнаем, пока не попадем туда, – отрезал Грац.

– Или пока нам этого не расскажут, – добавила Гертруда.

Лившиц только фыркнул, воздержавшись от дальнейших комментариев. Ему были смешны рассуждения дилетантов. Правда, и сам он, считавший себя профессионалом, ничего стоящего предложить не мог.

– В любом случае есть откуда начать, – сообщил Грац. –

Мы нашли вот это.

Повинуясь движению руки доктора, голограмма космического объекта повернулась, и яркая точка указки остановилась у темного, немного размытого пятна на поверхности корабля чужих.

– И что это? – спросил Лившиц. Тон Люциана был полон скепсиса, он не верил, что Станислав способен предложить что-нибудь дельное.

Грац бросил злобный взгляд на вземельца. Отношения этих двоих безнадежно испорчены. И это только начало.

Захар ловил себя на мысли, что и сам постоянно ощущает желание начать с кем-нибудь спор. Он не знал, что нужно делать. А если быть до конца откровенным, особой надежды, что у них есть хоть малейший шанс спастись, у него тоже не было. И не было у него никакого повода уповать на непонятную глыбу, висевшую во тьме неподалеку от их «Зодиака». Но человек устроен так, что не может поверить в собственное бессилие.

Человек всегда оставался царем природы в собственных глазах. Даже когда эта самая природа разрывала его в клочья. Когда, волоча отказывающиеся идти ноги, человек на последнем издыхании вонзал в безжизненную пыль чужой планеты палку с болтающейся на ней тряпкой, носящей гордое имя флаг. Его никто никогда не найдет, никому не будет ведомо, что человек побывал на той богом забытой планете. Но испустивший дух тут же, рядом со своим знаменем, звез-

долетчик умрет не просто так – у него будет уверенность, что он застолбил это место, что он поправил мироздание своей настойчивостью и целеустремленностью, что разум победил бестолковость неживой природы. И тогда можно будет сказать, что сюда ступала нога человека. А, как известно, куда ступила наша нога – оттуда мы не уйдем⁶. Люди не могут довольствоваться малым, им нейдет.

– А вы как считаете? – голос Лившица выдернул Захара из раздумий. Кибертехник не следил за разговором, но мнение у него было одно:

– Я думаю, что нам еще ничего не известно. Мы не можем судить о том, что это такое. У нас недостаточно данных. Поэтому считаю наше нынешнее гадание полностью лишены смысла.

– Вот! Этот человек мыслит здраво! – обрадованно провозгласил веземелец.

Что-то не совсем понятно, когда это они с Люцианом успели сделаться единомышленниками. Наверное, Захар действительно пропустил что-то важное в разговоре. Он совсем не испытывал уверенности, что разделяет намерения веземельца. Во всяком случае, он не разделял его концепции о неприкосновенности всего инопланетного.

– Разумеется, вы правы, – сказал Грац. – С завтрашнего дня займемся объектом вплотную. Режим радиомолчания отменяю.

⁶ Фраза принадлежит братьям Стругацким.

Лившиц недовольно сжал губы. Захар не мог понять, отчего тот бесится. Неужели он настолько верит в идеалы своего института? Здесь, в космической глуши, где внеземельцы никогда не бывали и вряд ли побывают в обозримом будущем? Глупо. Или он банально боялся? Ждал реакции инопланетян? Может быть. Если чужие сочтут «Зодиак» угрозой, они, надо думать, могут легко уничтожить его. Не надо даже какого-то особенного оружия – разница масс настолько велика, что, двинувшись с места с хорошим ускорением, объект расколется корабль землян, словно слон улитку. Тогда они закончат свое существование на десять месяцев раньше ожидаемого срока.

– Это темное пятно, судя по всему, является технологическим отверстием, ведущим внутрь корабля чужих, – выразил свое мнение Грац. – По корабельному времени уже первый час ночи. Сейчас отбой, а завтра проведем сеанс трансляции универсального кода во всех волновых диапазонах. И, если нам не ответят, приступим к исследованию этого лаза.

5. Вход в лабиринт

Свет, мягкими потоками льющийся с потолка, медленно разгорался, подобно восходу земного солнца меняя цвет от темно-багрового до яркого, почти белого. Внутри головы тихо играла музыка. Очень давно, словно бы в прошлой жизни, Захар установил эту мелодию в виде будильника.

Теперь все делилось на «до» и «после». На эту жизнь и на прошлую.

Захар открыл глаза, вернувшись в замкнутый мир внутреннего пространства космического корабля. «Зодиак», почувствовав мысли о себе, тут же явил взору кибертехника целую россыпь всевозможных данных, графиков и картинок. Что ни говори, а с виртуальностью намного удобней. Вся информация под руками – в прямом смысле, можно протянуть ладонь и взять любую из картинок, развернув ее или выбросив за ненадобностью. И нет нужды рыться в каталогах, делать запросы и мучить компьютерные базы данных – стоит только подумать, и услужливый мозг корабля тут же выдаст необходимое.

Грац уже был в рубке. Остальные члены команды отправились на камбуз.

Тахира еще накануне перенесли в его каюту. Грац сказал, что пилот совсем плох – прыжок был долгим и истощил силы человека. Его мозг будто зациклился и, словно поражен-

ный компьютерным вирусом процессор, расходовал ресурсы организма на совершенно бессмысленные действия. Никакие питательные растворы не могли восстановить льющиеся в синаптические щели⁷ потоки нейромедиаторов⁸. Нервная ткань Тахира пожирала сама себя, не оставляя пилоту надежды на выживание.

Станислав крутил что-то на голоэкрane персонального терминала. Вид он имел крайне озабоченный. При ближайшем рассмотрении нагромождения символов, которые руки доктора вертели из стороны в сторону, скручивали и раскручивали, оказались пакетами универсальных кодов. Разработка на случай непредвиденного контакта с инопланетным разумом производства все того же Института внеземной жизни. Это были короткие, математически выверенные коды, имеющие целью донести до любого разумного существа, знакомого с радиолинией водорода⁹, информацию о том, что

⁷ Пространство между мембранами пре- и постсинаптической клетки, через которое должен попасть нейромедиатор. Выброс медиатора в синаптическую щель запускает каскад реакций, вызывающих появление потенциала в постсинаптической клетке и его передачу дальше.

⁸ Биологически активные химические вещества, посредством которых осуществляется передача электрического импульса с нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами.

⁹ Радиолиния водорода соответствует длине волны 21 см. Поскольку водород – самый распространенный во Вселенной элемент, то длина волны в 21 см должна восприниматься разумными существами, знакомыми с излучением водорода, как некая константа. Поэтому можно искать сигнал иных разумных рас именно на этой длине волны. Кроме того, предполагается, что код, составленный на ос-

представляют собой люди и что пришли мы, собственно, с добрыми намерениями и желанием пообщаться. Пакетов имелся целый набор, их можно было складывать как конструктор, в некоторых пределах меняя суть послания. Именно этим и занимался Грац.

Когда все собрались, Грац продемонстрировал выбранный пакет. Доктор учтиво, что, впрочем, не стерло выражение брезгливости на его лице, поинтересовался у Лившица, согласен ли тот с выбором. Внеземец только прищурился и повторил свою фразу, ставшую уже коронной: «Делайте что хотите!» Теперь Лившиц оказался настроен исключительно против Граца. Конфронтация этих двоих была налицо, и выбор сообщения, которое собирались отправить на ознакомление представителям внеземного разума, не имел совершенно никакого значения.

– Если больше ни у кого возражений нет, – сказал Грац, – то я отправляю именно это послание.

Возражений не было. Никто особенно не вдавался в подробности послания, составленного доктором из конструктора.

«Зодиак» проиграл короткий файл во всех диапазонах. Радио, лазер, световое табло на крыше жилого отсека. Может, еще каким способом – Захар не знал всех возможностей корабля по части контактов.

нове этой константы и переведенный на язык математики, также должен быть понятен всем разумным.

Подождали минут пятнадцать. Никакой реакции объекта не последовало. Ответного сигнала не пришло, интенсивность излучений за бортом оставалась постоянной, Хозяин Тьмы не шелохнулся. Статус-кво не был нарушен.

Люди постепенно разбрелись по своим делам – чтобы узнать, что контакт состоялся, совершенно не обязательно находиться в рубке. Да и интереса особого не осталось – ясно, что коль скоро инопланетяне не ответили сразу, то, скорее всего, ответа ждать не приходится. Не то они там не понимают линию водорода, не то беседовать с отсталыми землянами считают ниже своего достоинства. Оставался третий вариант – на объекте нет экипажа. Последнее казалось Захару самым правдоподобным.

Они с Герти и Станиславом обсудили программу исследований. Лившиц от участия в разговоре отказался, а Клюгштайн, сославшись на некомпетентность в подобных вопросах, ушел в свою каюту.

– Я предлагаю, – сказал Захар, – отправить ремонтника. Кибер осмотрит дыру, произведет замеры, создаст схему хода. Никакой инвазии, только осмотр. Если возможность проникнуть внутрь этой штуки существует, то только там: мы не нашли больше никаких отверстий или люков.

Гертруда смотрела на трехмерную модель Хозяина Тьмы, словно на шедевр компьютерного искусства, выставленный в музее. Она любовалась его формами.

– Если не возражаешь, – обратилась она к кибертехнику,

не сводя взгляда с голоэкрана, – я снабжу твоего робота парочкой программ. Пускай он проведет стандартную для планетоидов процедуру обследования. Все-таки эта штука размером сойдет за солидный астероид.

– И что вы хотите получить из этих данных? – Грац, по слухам, был замечательным врачом. Руководителем он был начинающим, но, судя по всему, его ждал успех и на этом поприще. Но вот в физике космоса он разбирался плохо.

Планетолог повернулась к мужчинам.

– Прежде всего – параметры его движения, распределение гравитационных полей, центра масс, усредненные показатели плотности и еще массу довольно интересной информации, – объяснила она.

Грац пожал плечами. Он явно плохо понимал, о чем говорила Гертруда, но верил, что эта информация может оказаться полезной. В мире людей, где каждое мгновение жизни наполнено информацией, где виртуальная сеть опутала не только планеты, но и забросила свои нити с помощью космических кораблей в далекий космос, любые сведения воспринимались как нечто жизненно необходимое. Спорить с необходимостью новых данных никому не пришло бы в голову.

– Хорошо, – сказал доктор. – Только никаких контактов с самим объектом. Исключительно визуальный осмотр. Лившиц прав. Пусть большая часть того, что он горюдит, бред, вбитый в его голову профессорами из внеземельного института, но с Люцианом нельзя не согласиться: нам не стоит ве-

сти себя с продуктом внеземной технологии, словно с потерявшимся земным спутником. Никто не знает, чего от этой штуки можно ожидать. Неизвестно, для чего она вообще здесь находится.

Захар кивнул. Вопрос, для чего эта глыба здесь, не оставлял его ни на секунду. Так же, как никуда не делось странное ощущение чужого взгляда. Будто на их корабле поселился кто-то неведомый, новый член экипажа, пристально следящий за каждым действием кибертехника. Захар старался не замечать этого, но щекотка внутри головы нет-нет да и заставляла оглядываться и искать чужие глаза, непрестанно наблюдающие за ним.

Ресурс и скорость движения ремонтного кибера невелики, поэтому пришлось подождать, пока робот доберется до Хозяина Тьмы за счет инерции короткого разгона. За исплинским космическим объектом уже прочно закрепилось это высокопарное имя.

Был ли он тьме, что на самом деле окружала корабли, хозяином, оставалось загадкой. Это все слова, думал Захар, тьма – она сама себе хозяйка.

Биомеханический робот, внешним видом больше всего напоминавший разжиревшую креветку, выбрасывая за собой слабо поблескивающую в свете прожекторов струю сжатого газа, отправился к кораблю чужих.

Наружная анатомия космического гиганта теперь известна, ориентиры и алгоритм сближения тщательно подобраны

«Зодиаком» и залиты в маленький мозг кибера. Поэтому искомое отверстие робот нашел быстро.

Ремонтник завис перед дырой, словно бы не решаясь забраться в нее, и направил все прожекторы в сторону инопланетного корабля. Люди, пославшие бот, неотрывно наблюдали за открывшейся им картиной, транслируемой на голоэкран в рубке «Зодиака».

Собственно, смотреть пока особенно не на что. Округлые стенки уходили внутрь глыбы и терялись в темноте, никаких поворотов – судя по всему, ход шел четко по прямой.

– Как думаете, – спросил Грац, не сводя глаз с изображения, – что это?

Гертруда пожала плечами.

– Какое-то отверстие для сброса, – высказал предположение Захар. Он подумал: что можно сбрасывать через дыру такого диаметра на космическом корабле? Никаких вариантов не придумалось.

– Может, это что-то вроде кишечной трубки. Терминальный отдел, чтобы избавляться от продуктов... метаболизма? – сказал Клюгштайн.

«Биологическая точка зрения? А ведь это не лишено смысла, – подумал Захар. – Биолог видел сходство с функциями живого организма. Уж не думает ли он, что эта громадина живая?»

Лившиц внезапно захохотал в голос. Он смеялся так, что по щекам потекли слезы.

– Что с вами? – неприязненно осведомился Грац.

– Я так и знал, – захлебываясь от смеха, проговорил внеземелец, – что это большая космическая задница. Молодец, Фриц! Здорово вы их!

Клюгштайн виновато посмотрел на Станислава.

– Я не имел в виду... – начал он.

– Оставьте, Фриц, – бросив на Лившица злобный взгляд, сказал Грац, – совершенно незачем оправдываться. Мы понимаем, что вы имели в виду.

Дыра в гладком корпусе Хозяина Тьмы имела диаметр тридцать с лишним метров. Края ее закруглялись внутрь, плавно и не совсем равномерно, отчего создавалось впечатление, что отверстие не просверлили или собрали в таком виде из деталей, а вылепили, вдавив внутрь материал, из которого сделан весь корабль, гигантским пальцем.

Кибер висел точно в центре, в нескольких метрах от жерла тоннеля, ожидая распоряжений хозяев. Ему было все равно, он не ведал сомнений и страхов. Только слабый инстинкт самосохранения, заложенный в его недоразвитый мозг создателями, позволял принимать решения самостоятельно, отклоняясь от поставленной задачи ровно настолько, насколько необходимо, чтобы остаться в живых.

Захар мысленно отдал команду киберу войти в ход. Креветка шевельнула лапками и, выпустив струю газа, медленно двинулась внутрь. Можно подключиться к восприятию робота, прочувствовать все движения, смотреть его глазами, на-

много более совершенными, чем глаза человека, но Захар не хотел этого. Ему было боязно оказаться в корабле чужих. Даже виртуальное погружение в этого монстра казалось Захару пугающей авантюрой.

Кибер продвигался вперед – никакой реакции со стороны Хозяина Тьмы. Радиодиапазон молчал. Световых эффектов тоже не наблюдалось – гигантский объект оправдывал данное ему людьми имя.

Прожекторы ремонтника шарили по стенкам тоннеля, освещая нутро исполинского корабля. Сколько времени прошло с тех пор, когда здесь последний раз бывали лучи света? Захар отчего-то был уверен, что очень-очень много.

Тоннель сохранял диаметр постоянным. Однако стенки не были абсолютно гладкими – здесь то же, что и снаружи: неровности поверхности создавали стойкое впечатление, будто тоннель лепили руками.

Люди, будто загипнотизированные, смотрели на экран, сгрудившись в центре рубки, нависая друг над другом. Захар чувствовал, как волосы у него на макушке слабо шевелятся от дыхания стоящего над ним Лившица.

Каждый мог сесть за личный терминал, наблюдая трансляцию кибера на собственном отдельном экране, но что-то заставляло людей держаться вместе. Как в древние времена, когда грязные, туповатые обезьяны, которым спустя тысячелетия предстояло стать хозяевами собственной планеты, а потом пойти дальше, завоевав окрестный космос, жались к

слабому огню, сгрудившись в кучу, прячась от хищников и ужасов, что вероломно подсовывала им ночь. Казалось, если они вместе – их не одолеть. Необходимость единения перед лицом опасности зашита у человека в генах, ее не вытравить оттуда. И она оправдывала себя все эти долгие и долгие годы.

– Только не трогай его, только не трогай, – шептал над головой Люциан.

Захар обернулся и так же тихо сказал:

– Ему запрещено входить в тактильный контакт без согласования со мной.

– И не разрешайте ему. Только не трогайте эту штуку.

На лице Лившица отпечатался отчетливый и легко читаемый страх. Сейчас ему были до лампочки все инструкции и запреты родного и горячо любимого института. Сейчас он просто боялся.

«А сам-то я тоже хорош», – подумал Захар, с усилием разжимая стиснутые до скрипа зубы.

Он украдкой глянул на остальных – у всех лица напряжены, руки сжаты в кулаки, мышцы натянуты канатами, будто в ожидании команды на старт. Люди готовы броситься бежать в любой момент, куда угодно, не разбирая дороги, лишь бы укрыться, спрятаться от неведомого и потенциально опасного мира чужих. Люди боялись, но настойчиво продолжали лезть внутрь Хозяина Тьмы. В этом весь род человеческий. Из интереса человек залезет куда угодно. Даже космическому черту... в задницу, как сказал внеземелец.

Робот продолжал медленно продвигаться в глубь инопланетного корабля, плавно вращая всеми фотофорами, умело освещая себе поля зрения прожекторами. Пока ничего интересного не наблюдалось – все та же унылая гладь. Захар посмотрел на отчеты, висящие в воздухе перед ним в его личной виртуальности. Все показатели в норме. Кибер прошел около сотни метров тоннеля.

– Вон там, впереди! – воскликнул Грац, показывая пальцем в глубь голоэкрана.

– Где?! – Лившиц рванулся вперед, отталкивая Захара и протискиваясь ближе к объемному изображению тоннеля. Его темные глаза распахнулись так широко, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

– Впереди, прямо перед носом кибера, – ответил Грац, не сводя взгляда с экрана. – Там что-то промелькнуло. Кто-то юркнул за...

Станислав замер, удивленный собственной догадкой.

– Точно, – сказала Гертруда, – впереди тоннель разветвляется. Там поворот. Или перекресток.

– Верно, – согласился Грац. – Что-то скрылось за поворотом. Оно юркнуло в ответвления тоннеля.

– Налево или направо? – неожиданно спросил Клюгштайн.

Захар безуспешно пытался отпихнуть внеземельца и вернуть утраченные позиции перед голоэкраном. Лившиц словно врос в пол рубки, широко расставив руки и вцепившись

ими в гладкую поверхность консоли, на которой был закреплен экран. Похоже, он даже не заметил усилий кибертехника.

– Что вы имеете в виду? – Грац повернулся к биологу.

– Налево или направо прыгнуло то, что вы видели?

– На... – доктор пожал плечами, лицо его выражало замешательство. – Впрочем, не знаю.

– Давайте смотреть дальше, – сказал Клюгштайн. – Это все игры воображения: вы видели что-то, что убежало, но вы не можете сказать – куда.

– Но позвольте! – возмутился Грац. – Я видел это.

– Давайте смотреть дальше, – повторил биолог.

Захар, так и не отвоевавший у Люциана своего места, отдал команду киберу. Псевдокреветка шевельнула коротенькими ножками, выпустила струйку сжатого газа и плавно поплыла вперед.

Тоннель действительно раздваивался – под тупым углом вправо и влево уходили точные копии основного ствола. Те же размеры, та же гладкая, немного неровная поверхность стен.

Кибер на мгновение замер на распутье, послав запрос Захару. «Направо», – мысленно скомандовал кибертехник. Ремонтник послушно повернул.

Ничего не менялось – ландшафт оставался таким же, поражая однообразностью и отсутствием техногенных признаков. Прямой угол – вот основной признак работы разума, явление неприродного происхождения. Захар знал из школь-

ного курса, что природа не терпела прямых углов. Хаос и совершенство округлостей и множества граней царили в бездумном мироздании. Здесь, в тоннеле, они видели именно это. Внутри не было даже той, вызывающей подозрения симметрии, которая привлекла интерес людей снаружи. Ошиблись? Обычный планетоид странной формы?

Кибер прошел еще четыреста метров. Здесь было похожее разветвление. Потом, метров через двести – еще одно. Дальше тоннели начали делиться на четыре и на пять ветвей. Параметры гигантской космической кишки не менялись – отклонения в диаметре не более пятидесяти сантиметров.

– Может, это все-таки планетоид? – высказал свою мысль вслух кибертехник.

– Нет, – тут же отозвалась Герти. – Слишком здесь все одинаковое для природного создания. Да и откуда в планетоиде может взяться такая нора?

– Это лабиринт, – сказал Грац, указывая на трехмерную модель Хозяина Тьмы, на которую накладывалась красная нить пройденного кибером маршрута. Линия изгибалась и петляла, запутываясь в замысловатый клубок. Несмотря на несколько километров пути, преодоленных ремонтником, область, исчерченная красным, была похожа на маленькую кляксу, едва заметную в объеме космического объекта.

Стены, испещренные тенями, играющими в «углублениях, оставленных огромными пальцами», как окрестил их про себя Захар, плавно надвигались на замерших перед голо-

экраном людей. Ремонтник уверенно держался точно по центру пещеры, его движения были нечеловечески точны и выверены до последнего миллиметра. С помощью кибера люди, лишенные совершенных органов чувств, нуждающиеся в постоянном притоке воздуха, еды и способные существовать лишь в узком интервале температур и интенсивности излучений, смогли пробраться туда, где не бывал никто. Даже свет не забирался в эту нору. Может быть, никогда.

Монотонность утомляла, и Захар следил за происходящим все менее внимательно. Гертруда и Клюгштайн вообще отошли от голоэкрана и присели в кресла, наблюдая за остальными. И только Грац с Лившицем продолжали пристально всматриваться в пустоту тоннеля.

– Да вот же оно, вот! – снова воскликнул Грац, тыча пальцем в изображение.

Захар мгновенно проснулся, биолог с планетологом стремительно поднялись со своих мест.

– Оно направо ускользнуло, – выкрикнул Грац. – Теперь, Фриц, вы не считаете, что у меня галлюцинации?

– Но я же ничего не видел! – сказал Лившиц. Было непонятно: он расстроен своей невнимательностью или же сомневается в реальности увиденного доктором.

– Это легко пропустить, – объяснил Грац. – Его было видно буквально мгновение, будто размазанное пятно. Просто я ждал его, а вы нет.

Кибер приближался к развилке. Дюзы выпустили очеред-

ную порцию сжатого газа, разворачивая корму ремонтника влево. Повинуясь командам Захара, фотофоры робота качнулись из стороны в сторону, транслируя полный обзор окружающего пространства на голоэкран.

– Перестаньте, Захар, – сказал Лившиц. – Меня укачивает.

Кибертехник пропустил слова Люциана мимо ушей, но маневры с изображением прекратил – в этом тоннеле смотреть тоже было решительно не на что. Чернота бездонного колодца убегала далеко вперед.

6. Встреча с Минотавром

Черная окружность тоннеля, окаймленная рваным кружком освещенной прожектором киберга стены, напоминала глаз невиданного существа, уже второй час с тоской взирающего на людей с голоэкрана. Зрелище начинало надоедать.

Лившиц с Грацем, так и не отошедшие от экрана, утомленно смотрели в него. Впрочем, уже не с нервным ожиданием, а вялыми, часто моргающими от нестерпимого желания заснуть глазами. Захар, наблюдавший за не меняющимся изображением по долгу службы – ему было необходимо иногда корректировать курс ремонтника, – ловил себя на том, что тоже начинает клевать носом. Гертруда с Фрицем уже давно удобно расположились в креслах чуть поодаль, оживленно о чем-то беседуя. Захар не прислушивался к их разговору, да и слышно здесь было плохо.

Вселенная было Грацем надежда встретить в тоннеле хозяев гигантского корабля, давно рассеялась без следа – ни за первым, ни за последующими поворотами ничего, кроме однообразного ствола прохода, не оказалось. Создавалось впечатление, что весь космический объект изъеден изнутри каким-то исполинским червем.

Люди расслабились. Поэтому, когда в поле зрения киберга промелькнула быстрая, словно молния, тень, никто не обратил на нее никакого внимания. Даже Грац, единственный

видевший ее прежде. Только спустя несколько секунд опомнился Лившиц:

– Да вот же она! Вы, черт возьми, были правы. Вот она!

Все рванулись к экрану, Захар по вирт-связи отдал киберу команду остановиться. Люди внимательно вглядывались в изображение. Клюгштайн открыл было рот, явно намереваясь высказаться на предмет коллективного помешательства команды, но тут же захлопнул его. В воцарившейся тишине отчетливо послышался стук его зубов друг о друга.

В глубине тоннеля от стены к стене, от одного освещенного прожектором участка к другому, сквозь непроглядную тьму зрачка с невероятной скоростью пролетело нечто. Захар не взялся бы описывать то, что увидел. Оно не имело формы. Это было похоже на мимолетный отблеск, случайно упавший на гладкие стены тоннеля от фар автомобиля, проехавшего где-то позади кибера. Только автомобилей здесь быть не могло.

Захар отдал команду ремонтнику просмотреть пространство во всех доступных ему диапазонах. Перед взором возникли виртуальные картинки со сканами в инфракрасном спектре, в ультрафиолете, в рентгене и прочие. Все они были столь же безжизненны, как и оптическая картинка на голоэкране. Но ведь было же там что-то, он же сам видел.

– Вот он опять! – воскликнул Грац, тыча пальцем прямо внутрь картинки.

Тот самый блик снова мелькнул, пролетев теперь в другую

сторону. Потом еще раз. А спустя несколько секунд размазанный сполох заметался по кругу, вызывая головокружение у смотрящих на него людей.

– Что это? – пробормотал Клюгштайн.

Вопрос чисто риторический, поэтому никто не пытался дать ответ. Что крутилось перед кибером там, в безжизненном холодном космосе, никто не знал.

– Его видно только в оптическом диапазоне, – сказал Захар.

– Сдается мне, – не отрываясь от экрана, сказал Грац, – что оно и в оптическом не видно. Оно же не имеет никакого объема, у него нет массы. Оно не существует в реальности.

– Что вы имеете в виду? – спросил Лившиц. Внеземелец крутил головой из стороны в сторону, пытаясь рассмотреть непонятное явление под разными углами. Захар уже попробовал делать так – ничего не менялось.

– Кибер видит это? – спросил Грац у кибертехника.

– Мы видим то же, что и он, – ответил Захар. Он не совсем понял, к чему клонит доктор.

– А вы спросите у него.

– Невозможно. У ремонтника нет интеллекта. Он не способен к общению.

– Жаль. А изображение записывается?

– Конечно.

– Тогда давайте посмотрим... – доктор закашлялся.

Захар отдал команду «Зодиак» показать запись на дру-

гом мониторе. Голоэкран над одним из терминалов вспыхнул тусклым свечением фоновой подсветки, после чего внутри рамки появился двойник картинки, что они видели на главном экране.

– ...потом, когда закончим осмотр тоннеля, – закончил фразу Грац.

На записи появились сполохи. Очень похожие на те, что метались из стороны в сторону на прямой трансляции. Но Захар был готов отдать руку на отсечение, что сполохи лишь похожи, но не точно такие же.

– Оно транслирует это нам прямо в головы, – пробормотал доктор. – Сейчас пытаться подловить его бессмысленно. Судя по всему, оно страстно желает запудрить нам мозги.

– Я же вам говорил, – сжав зубы, прошипел Лившиц.

Грац посмотрел на вездемельца. В его взгляде было столько омерзения и неприязни, что Лившиц мгновенно замолчал и отвернулся.

– У нас нет другого выбора. Или мы заставим их помочь нам, или – останемся здесь навсегда.

– Вы... – начал было Лившиц, но замолчал.

– Отчего вы так негативно настроены? – спросил Клюгштайн.

– Вы все еще полагаете, что нам здесь что-нибудь дадут даром? – поинтересовался Грац. – Для начала придется убедить их там, внутри этой штуки, что мы вообще существуем. А как доказать, что мы разумны и стоим спасения, я даже

ума не приложу. Люциан, может быть, вы знаете?

Лившиц лишь отрицательно помотал головой.

– То-то же! – рявкнул Грац.

Едва заметный, видимый на самой границе восприятия сполох продолжал крутиться между светом и тьмой. Кибер послушно ждал команды, зависнув точно в центре тоннеля.

– Пусть ремонтник движется дальше, – сказал Грац Захару. – Только медленно. Посмотрим, что они станут с этим делать.

Захар кивнул и отдал команду роботу. Стены тоннеля медленно поползли назад. Таинственное пятно, рисующее круги, двинулось впереди кибера. Или оно маячило в поле зрения?

«Зодиак», – обратился к кораблю кибертехник, – проверить виртуальную сеть».

Перед взором Захара поползли строчки символов и схемы ветвления сети. Только одна веточка тянулась за пределы корабля – это была нить, связующая мозг корабля и слабенький нейропроцессор ремонтника в единое целое. Никаких внешних подключений.

– К нашей виртуальной сети они не подключались, – непонятно кому сообщил Захар.

– Они молчат в радиодиапазоне, – напомнил Грац.

Кибер добрался до очередной развилки. Тоннели расходились вправо и влево, образуя Т-образный перекресток. Сполох на секунду замер на гладком, скругленном крае той

части тоннеля, в которой находился робот землян, а затем, сжавшись в яркую, но все равно какую-то нематериальную точку, разорвался надвое и исчез в ответвлениях.

– Зачем они нам это показывают? – пробормотал Захар.

– Я думаю, – ответил доктор, – они не нам это показывают. Они просто так реагируют на вторгшегося в их владения нарушителя. Вы же не для автобуса кашляете, когда случайно пыль, поднятую им с дороги, вдохнете.

Усики кибера, на которых находилось большинство фотофоров, вытянулись вперед, осматривая оба хода. Люди не могли видеть одновременно два изображения, их зрение бинокулярно¹⁰ – преимущество объема, но недостаток площади обзора. Захар, привыкший к общению с киберами, совершенно машинально перешел в режим слияния сознаний, виртуально переместившись в тело ремонтника. На одно короткое мгновение голова закружилась, потом весь спектр образов и ощущений, что получал робот из окружающей его реальности, наполнил восприятие Захара. Люди, в сущности, слепы, в сравнении с тем, как мог видеть кибер. Теперь Захар смотрел глазами робота.

Он лишь успел бросить мимолетный взгляд на тоннели, быстро оценивая их в доступных датчикам робота диапазонах. А в следующее мгновение с обеих сторон на него рину-

¹⁰ Из двух изображений, что видят глаза, мозг человека формирует одно. Это позволяет более точно определять расстояние до предметов, придает картинке объем. Однако это же свойство не позволяет людям разглядывать разными глазами одновременно два разных предмета, как, например, может делать хамелеон.

лось... Он не понял, что это было. Только безумный страх, пронзивший всю его суть, захлестнул его, заставив на мгновение забыть, кто он есть и где он на самом деле.

Захар от неожиданности и испуга дернулся. Толстая трехметровая креветка в тоннеле рванулась, активируя реактивные двигатели в такт мышцам человека. Только мышцы остались расслабленными – виртуальность обманывала тело, перенося сигналы мозга туда, где было сознание.

Ремонтник несколько раз взмахнул клешнями, пытаясь удержать мнимое, доступное только Захару равновесие, автоматика тщетно боролась с человеческой волей, запускающей на хвосте кибера один двигатель за другим. Креветку крутануло вправо, потом вроде бы положение робота стабилизировалось, и тут вспышка, яркая, словно внезапно зажегшееся в темноте космического колодца солнце, ослепила Захара, ворвалась в сознание, неся за собой смертельный ужас и разрывающую голову боль.

Тело кибертехника конвульсивно вздрогнуло, оседая на пол. Перед тем как потерять сознание, Захар успел заметить широко раскрытые глаза Станислава и губы Лившица, вроде бы шептавшие: «Я же говорил, не прикасайтесь к нему». Шершавый пол рубки совсем не больно ткнул в висок, и мир померк.

7. Тайные течения

Отвратительная вонь острой бритвой разрывала ноздри, бесцеремонно выдергивая сознание Захара из небытия. Кибертехник вяло взмахнул руками в попытке оттолкнуть от лица источник резкого запаха, но ладони, не найдя опоры, с гулким стуком рухнули на пол. Реальность нехотя проявлялась перед глазами, лавиной обрушивая в сознание воспоминание о том, что случилось за последние два с половиной дня.

Захар снова был в курсе, что они потерялись в дальнем космосе.

Грац убрал из-под носа кибертехника пузырек с нашатырем, поднес к его виску небольшую никелированную трубку и надавил на клавишу. Тело Захара передернуло судорогой, короткая, но сильная боль пронзила голову – от виска к виску. Было больно и противно, но в голове тут же прояснилось.

– Что вы делаете? – едва ворочая языком, пробурчал он, вяло отмахиваясь от доктора, точно от назойливой мухи.

– Спокойно, – остановил его ладонь Грац, – сейчас полегчает. Магнитная коррекция мозговой активности вкупе с электростимуляцией творит чудеса. Можете мне поверить.

Захар верил Станиславу, но испытать на себе еще раз чудодейственное воздействие маленького приборчика, который доктор сжимал в левой руке, отчего-то не хотелось.

Он вытянул вперед ладонь, пытаясь не то заслониться, не то остановить Граца, и пробормотал:

– Нормально уже. Сейчас, сейчас.

Захар попытался встать, ноги слушались плохо. Еще хуже дела обстояли с органами равновесия – тело упорно отказывалось удерживать необходимое положение.

– Объясните, – сказал Грац, отвернувшись, – за каким чертом вы полезли в голову этого вашего ремонтника? Вам что, необходимо отдельно, словно маленькому ребенку, объяснять, где мы и с чем имеем дело?

Позади доктора стояли Клюгштайн и Лившиц. Гертруда сидела перед пультом и крутилась на кресле, будто вальсировала. Вроде бы она даже напевала что-то под нос. Биолог смотрел на Станислава с умильно просящим выражением на лице, а физиономия Лившица наконец-то излучала уверенность и самодовольство. Да что, черт побери, тут у них произошло?

– Кибертехники всегда так делают, – сказал Захар и понял, о чем, собственно, спрашивал его Грац. – Ах да. Это случайно... чисто машинально вышло. Привычка, знаете ли.

– Что вы там видели?

Грац все-таки соблаговолил повернуться к собеседнику лицом и присел в стоящее рядом кресло. Клюгштайн подошел к Захару, все еще бесплодно пытающемуся подняться, и помог ему встать на ноги. Кибертехник опустился в кресло, поблагодарил Фрица и воззрился на доктора.

– Мы ждем объяснений, – напомнил Грац.

Захар закрыл лицо ладонями, глубоко вдохнул, пытаясь унять подступавшую тошноту, и покачал головой.

– Не знаю, – сказал он, не отнимая рук от лица, отчего его голос стал тихим и как будто чужим. – Яркая вспышка, а потом... – он не находил слов. – Не знаю. Было страшно, ужасно. Оно напало на меня. То есть на кибера. Оно...

Внезапно в памяти всплыла странная картина какой-то жуткой средневековой казни. Захар не знал, почему это напомнило Средневековье, но отчего-то казалось, что в обозримом прошлом такого ужаса быть не могло. Что-то залезло внутрь него, пробралось в самую душу, прижилось и вырвало... Нет, оно даже не вырвало, оно тайком украло его сердце.

Боже, какая чушь! Какое сердце?! Он же не был там. Там был ремонтник, безмозглый робот, тупая машина. Да, у кибера действительно есть некое подобие сердца. Но при чем тут душа? Куда там оно могло пробраться, чем бы оно ни было? Сумасшествие. Им явно не дожидаться, когда закончится ресурс «Зодиака». Комфортабельный космический дом скорби. Так, кажется, назывались заведения для душевнобольных?

– Кибер не отвечает, связь с ним потеряна, – сказал Грац.

– Когда? – спросил Захар.

– Что? – не понял его доктор.

– Когда прервалась связь?

– Как раз в тот момент, когда вы изволили грохнутья в обморок.

Язвительности Грацу не занимать. Он был крайне недоволен поступком кибертехника.

– И все-таки... Что вы видели?

Захар пожал плечам и, опутив глаза, проговорил скороговоркой:

– Яркий свет, вспышка. Потом оно... этот свет – он забрался внутрь меня. Он рвал меня на куски, тащил в небытие. Тащил мое сердце прочь из груди.

Помолчав несколько секунд, он взглянул на Станислава. Доктор стоял рядом, смотря в пространство перед собой, куда-то вбок от Захара, и качал головой, будто с чем-то соглашаясь. Рассказ Захара явно оказался таким, каким он и ожидал его услышать.

– Так и есть, – сказал он наконец. – Это просто защитная реакция. Фриц, – обратился он к биологу, – что вы на это скажете?

Клюгштайн встрепенулся, словно проснувшись, резко повернулся и не моргая уставился на доктора, по-птичьи выпучив глаза.

– Возможно... – неуверенно произнес он и после паузы продолжил: – Стрекательные клетки у медуз срабатывают сами собой, когда что-то касается их жгутиков. Медуза целиком даже не подозревает, что она кого-то ужалила.

– Боюсь, – присоединилась к разговору Гертруда, – медуза

целиком не догадывается, что она вообще существует.

– Вот именно, – согласился с ней Грац. – И вам не кажется...

– А вам не кажется, – все-таки не вытерпел Лившиц, – что вы слишком много на себя берете? С каких это пор вы стали видным специалистом в вопросах контакта с внеземным разумом?

– За неимением лучшего кандидата на эту роль, – бросив многозначительный взгляд в сторону внеземельца, сказал доктор, – приходится выкручиваться самому. И потом – откуда у вас уверенность, что мы имеем дело именно с разумом?

– Что вы имеете в виду? – спросил Ключштайн.

– Он имеет в виду бессознательные реакции Хозяина Тьмы. Или его хозяев – какая, в сущности, разница? У них не было ни малейшего резона уничтожать нашего кибера, они даже не пытались наладить связь. Просто прихлопнули его, как только он коснулся стенки тоннеля, – объяснил Лившиц.

– Точно, – согласился Грац. – Все же ваш институт иногда дельные мысли высказывает.

– Они разорвали работа в ключья, как только он коснулся объекта, – бормотал себе под нос биолог. – Ведь это совсем как действие иммунной системы. И эти сполохи – что, если это какой-то аналог антител?

Захар слушал разговоры своих товарищей, и в голове отчаянно билась мысль. Она никак не могла сформироваться

во что-то завершённое, осознанное. Что-то то и дело ускользало, не складывалось. И ключевым моментом здесь было касание кибера стенки тоннеля.

Захар вспомнил мимолетное чувство, как его – то есть, конечно, не его, а кибера – педипальпы¹¹ цепляются за шероховатую, обжигающе холодную поверхность. Краткий, выворачивающий наизнанку омерзительный звук. Точнее, не звук – звука не может быть в безвоздушном пространстве – вибрация, словно железом ведут по стеклу. А потом наступила тьма. Дальше был Грац с нашатырем.

Но ведь было что-то еще. Между тьмой и Грацем. Что-то неясное, на самом пороге восприятия. И оно совсем не понравилось Захару. От этого воротило, мозг упорно отказывался вспоминать события тех секунд.

– Пойдите, – сказал Захар. – Все не совсем так. Кибера никто не уничтожал. Его... – Мимолетная догадка появилась вдруг и столь же стремительно исчезла.

– Ну, договаривайте, – потребовал Грац.

– Нет, – тихо сказал кибертехник. – Не могу вспомнить. Но ремонтника совершенно точно не уничтожали. С ним сделали что-то другое. Он им был зачем-то нужен.

– Это все домыслы, – махнул рукой Станислав и обратился ко всем сразу: – Завтра повторим опыт с роботом. Посмотрите

¹¹ Педипальпы – лапы-челюсти у пауков. В данном случае – манипулятор робота, выполняющий схожую функцию, связанную преимущественно с захватом и тактильным изучением объекта.

рим, куда, в конце концов, нас приведет эта червоточина. И попрошу вас, Захар, больше никаких самовольных экспериментов.

Грац резко повернулся и вышел из рубки.

– Похоже, пан Станислав всерьез решил заняться этой штукой, – ухмыляясь, сказала Гертруда.

Рубка опустела. Последним вышел Захар. После инцидента с кибером голова еще кружилась.

В коридоре на него накинудся Лившиц. Внеземелец вцепился в воротник рубашки Захара и принялся истоиво шептать. Его потное лицо, исторгающее брызги слюны и неприятный запах, оставшийся от завтрака, маячило в такой близости от глаз Захара, что никак не получалось сфокусировать взгляд. Волна дурноты снова накатила на кибертехника. Он попытался отстраниться от Люциана, но тщетно. Внеземелец тараторил как заведенный, он говорил что-то про Граца и корабль, неслышно парящий в крошечной тьме рядом с ними.

– Да прекратите же наконец! – выдал из себя Захар и толкнул Лившица, после чего вдохнул полной грудью. На лице ощущалась неприятная влага. Он вытерся рукавом и повернулся к притихшему внеземельцу. – Какого черта вы вздумали на меня бросаться?!

Лившиц, похоже, немного оторопел. Он стоял, отклонившись назад, в той позе, в какой смог остановиться, когда Захар толкнул его. Его глаза недоуменно хлопали, а рот то и

дело открывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Потом он пришел в себя и, приняв человеческий вид, заговорщицким тоном сказал:

– Орешкин, вы же видите, куда он нас всех тянет. Мы не можем позволить ему так поступать. В конце концов, есть и другие люди. Земля, наконец. Мы не имеем права делать этого. Ведь вы же были там, пусть и виртуально. Вы должны понимать, как это страшно, какую опасность оно может нести.

Ясно с ним все. Граца боится. Он всего боится. И во всем он не уверен. Бездействие – вот лучшая в его представлении тактика.

Но если он прав? Что, если действительно экипаж навлечет на себя гнев старшего брата? Захар задумался... Да и братья ли они землянам, те, кто привел сюда Хозяина Тьмы? Братья по разуму... Всегда ли разум одинаков? Разум познает окружающее. Так думают люди. А если они думают иначе? Люди не могут представить себе, для чего еще может быть нужен разум, но ведь, в сущности, это лишь случайно возникшее условие существования живой материи. Удачная выборка из статистической вероятности. Все во Вселенной подчинено логике, все происходит по законам физики и статистической вероятности. Только разум имеет наглость выбиваться из четкой картины мироздания. Или это люди не могут объяснить некоторые странности разума?

– Чего вы от меня хотите? – с недовольством спросил За-

хар.

Лившиц был ему неприятен. Хитрый и трусливый вездеход, подобно крысе, пытался подточить команду изнутри, подгрызть пол, найти свою лазейку. Еще неизвестно, чего он добивается.

– Захар, ты же разумный парень. Ты должен понимать, что так нельзя. Нельзя лезть туда, словно к себе домой. Наш новый капитан слишком много на себя берет. Нам необходимо его остановить.

Кибертехник никак не мог взять в толк, к чему тот клонит.

– А от меня-то что требуется?

– Ты же заведешь киберами. Не давай ему больше роботов. Он погубит нас. Он человечество может погубить.

«Ах вот он о чем! – вздохнул Захар. – И когда это мы перешли на «ты»? Хотя, впрочем, какая разница?»

– И что это даст? Он как капитан волен распоряжаться имуществом корабля по своему усмотрению.

– Но ты же можешь изменить их программы, отключить киберов, в конце концов!

– Хорошо. И что дальше? Что мы будем делать дальше? Висеть в бездонном космосе рядом с этой громадиной, боясь даже взглянуть на нее, и медленно сходить с ума?!

Ответа Захар не ожидал. Он уже привык, что Лившиц хорошо знаком только с тем, чего делать не стоит. Но вездеход его удивил:

– Нам лучше бы заняться нашим пилотом. Грац запер его

в каюте и никого к нему не подпускает. Это уже само по себе подозрительно.

– Но ты же слышал, что он умирает. Нервное истощение. Или что-то в этом роде.

Люциан согласно кивнул:

– Так Грац сказал.

Захар посмотрел в глаза вземельцу. Обычные глаза, никакого «огонька безумия», как пишут в книгах, в них заметно не было. Только эта его теория заговора... Неужели люди не могут не создавать себе сложностей?

Их всего пятеро, в миллионах кубических парсеках пространства вокруг нет больше ни одного человеческого существа, а они строят здесь планы, плетут интриги.

Создают социум, одним словом. Привычную среду обитания.

Картина, представшая воображению Захара, была столь смешной, что он невольно улыбнулся.

– Ты мне поможешь, Орешкин, – сказал Лившиц.

Он не спрашивал, он утверждал. И у него был свой план. Вопреки предположениям Захара, он знал, чего хочет.

– Мы сегодня же должны выяснить, что на самом деле происходит с Тахиром, а завтра ты не дашь Грацу второго кибера, и я подниму вопрос о доверии к капитану. В любом случае, если нам не выбраться, Хозяина Тьмы должны исследовать только люди. Живые люди, понимаешь, а не бездушные киберы.

Похоже, Люциан, наконец, осознал, что собственноручно отдал Грацу власть, которая причиталась ему, Люциану Лившицу. Отдал, не подумав, а вот теперь вознамерился вернуть утраченное.

Захар не собирался участвовать в заговоре с внеземельцем. Вообще вся эта затея выглядела, мягко говоря, странно. Путь домой заказан, никакого обитаемого мира в пределах досягаемости нет, а они выясняют отношения. Знаете ли, это пахнет натуральным сумасшествием.

– Хорошо, – сказал кибертехник и пошел прочь, в свою каюту.

Лившиц довольно хмыкнул за спиной, не понимая, что Захар согласился лишь для того, чтобы тот от него отстал.

Он закрылся, заблокировал дверь и попросил «Зодиака» никого не пускать к нему. И не сообщать, если кто-нибудь надумает вызвать по вирт-связи. Хватит! За эти двое суток, что они торчат здесь, он устал так, как не уставал на самых сложных дежурствах. Они прибыли в полную пустоту, в совершеннейшую неизвестность. У них здесь не было ни плана, ни цели, но бурность деятельности, что развил Грац, превосходила всякие мыслимые пределы. Может, Лившиц и прав, грозя создать прецедент о недоверии законно избранному капитану.

Скорее всего, они погибнут здесь, в холодной тьме далекого космоса. Никто не узнает об этом, никто никогда не найдет ни их, ни их мумифицированные стерильной пустотой

тела. Даже прочный, почти вечный в восприятии людей корпус «Зодиака», скорее всего, рассыплется в пыль, бомбардируемый мириадами частиц в течение миллионов лет. Им всем суждено развеяться в пыль. И вместо того, чтобы думать о вечном, они лезут к черту на рога.

Мироздание создало человека, наделило его разумом. Пытливым, неугомным умом и еще более непоседливым и загадочным самосознанием. Людям мало осознавать, что они существуют, что они есть. Им надо всему найти объяснение, все изучить, все разобрать по винтикам. Потом – снова собрать, но уже не так, как было предначертано природой, как заведено естественным порядком вещей. А на собранном обязательно поставить клеймо, уведомив мир, кто именно это сделал, чтобы потешить непонятное самосознание. Людям надо все поковырять своим замечательным противопоставленным пальчиком, натереть мозоли и измордоваться до потери сознания. Вроде бытует мнение, что именно труд создал из обезьяны человека.

Хотя некоторые обезьяны до сих пор сидят на деревьях – там, где им позволяют сидеть люди, и горя не знают. Ни мозолей, ни переживаний, ни мук творчества. Вселенная создана для них, а они для Вселенной.

Но люди-то выше этого. Они творцы, меняющие саму природу, хозяева жизни. Природа покорила человеку – так думали лет триста назад. Сейчас в этом некоторое сомнение появилось. Единственное, в чем никто не сомневается, – что

обязательно покорится, никуда не денется. Тупой случай и закон больших чисел сотворили разум. А что сотворил разум? Когда-нибудь, Захар совершенно в этом не сомневался, разум извернется и уничтожит Вселенную. Нам ведь закон не писан.

На следующий день второй кибер, пользуясь исключительно заложенным в него алгоритмом, успешно прошел лабиринт Хозяина Тьмы и вышел обратно. Вышел из той же дыры, через которую попал внутрь. Круг замкнулся.

Злой Лившиц шипел и бросал недружелюбные взгляды в сторону Захара. Кибертехник тайком от Граца пожимал плечами и разводил руки, пытаясь убедить внеземельца, что он ни при чем. Мол, не получилось, Грац все сам сделал. Это была неправда, но отчего-то хотелось делать вид, что он поддерживает затею Люциана.

На корабле был объявлен день отдыха. Лившиц и Клюгштайн готовились к выходу в открытый космос.

8. Прикосновение к бездне

Две светящиеся точки, висящие в круге непроницаемой черноты, казались маленькими и беззащитными. Не спасал даже яркий сноп света, бьющий им в спины.

Захар поерзал в кресле, в теплоте и комфорте рубки. Ему было страшно. Стыдно признаться, но он, сидящий внутри прочного корпуса «Зодиака», ощущая хоть и псевдо, но все же гравитацию, боялся до колик в животе. Лоб покрылся ледяными капельками, руки до боли в суставах сжали подлокотники кресла. Вид Лившица и Клюгштайна, беззаботно парящих в нескольких метрах от входа в лабиринт инопланетного Минотавра, внушал кибертехнику панический ужас.

Мощные прожекторы «Тауруса», остановившегося в двух десятках метров от Хозяина Тьмы, были направлены в жерло тоннеля. Но черная бездна безжалостно пожирала выпущенные человеческой техникой фотоны, оставаясь такой же черной.

Захар украдкой посмотрел на Граца и Гертруду. Станислав вглядывался в экран, неистово что-то жуя – не исключено, что собственные губы, – а Герти, как обычно, полулежала на приборной консоли, тоскливо ожидая продолжения.

– Как меня слышите? – перестав жевать, спросил Грац.

Вирт-связь существовала только внутри «Зодиака». Во избежание несанкционированных подключений вирт-сигнал

ограничили пространством корпуса корабля. С Лившицем и Клюгштайном связь поддерживалась исключительно с помощью обычного радиосигнала.

– Нормально, – спустя мгновение задержки ответил слегка искаженный помехами голос внеземельца.

Грац удовлетворенно кивнул и напутственно махнул рукой, словно его могли видеть в открытом космосе.

– Вход разрешаю, – сказал он.

– Так точно, – раздался голос Лившица.

Возможно, Захару показалось, но он отчетливо уловил в тоне внеземельца плохо скрываемый сарказм. Нервное напряжение, или там он уже ничего не боится?

Фигурки, облаченные в тяжелые пространственные скафандры, на мгновение вырастили по маленькому, переливающемуся в лучах прожекторов «Тауруса» хвостик у быстро замерзающего на космическом холоде газа и плавно скользнули в тоннель.

– Вход прошли успешно, – сообщил Люциан.

– Выглядит как пещера в горах, – раздался восторженный голос Фрица. – Мы будто бы гномы, летящие в подземное царство.

Грац едва заметно улыбнулся, прикрыв рот рукой.

– Давайте без пафоса, – сказал он. – Ваша задача следить друг за другом и за своими ощущениями.

На главном голоэкране люди в скафандрах медленно уменьшались в размере. На корабле видели изображение,

транслируемое с внешних камер «Гауруса», висевшего неподвижно. Как только Лившиц с Клюгштайном свернут на первой развилке, они исчезнут из поля зрения десантного корабля. Боковые экраны показывали плоское изображение, что снимали камеры скафандров.

Присутствовала в этой картине какая-то обреченность – две маленькие, кажущиеся такими хрупкими фигурки медленно таяли во враждебном и отталкивающем мраке чужого корабля. Казалось, ничто не сможет вернуть их обратно, и они исчезают там навсегда.

Захар тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Надо чем-нибудь занять себя. Кибертехник запросил у «Зодиака» сводку параметров жизнеобеспечения скафандров биолога и вземельца. Все показатели в норме, да в этом и не было никаких сомнений – будь что не так, корабль давно забил бы тревогу.

Но что же делать?! Неприятный зуд хаотически перемещался по всему телу, заставляя Захара бессмысленно чесаться и изворачиваться. Неприятное ощущение взгляда, что он нет-нет да и ловил на себе, вдруг сделалось сильнее. Чужие глаза будто бы забрались внутрь и своим взором пытались пробуравить путь наружу, к свету, прямо через кожу.

Повернулись к правому экрану, где шла картинка от Лившица. Ту, что транслировала камера Фрица, смотреть было все равно невозможно – неугомонный биолог не переставая крутился, восхищаясь красотами инопланетного технологи-

ческого тоннеля. Внеземелец давал картинку четкую и правильно выверенную – чувствовалась школа.

Как и в прошлые разы, стены оставались гладкими и однородными. Признаться, Захар все ждал, что вот-вот огромная перистальтическая волна пройдет по безжизненной поверхности тоннеля, превратив его в отверстый люк, призывно манящий космонавтов неземным светом. Наверное, Грац думал о чем-то похожем.

Исследователи миновали первую развилку. Лившиц докладывал о полном отсутствии особенных ощущений (только сетовал, что скафандр трет шею), а Клюгштайн продолжал восторгаться местным ландшафтом. Несколько раз Люциан ловил биолога, в порыве эстетического блаженства пытавшегося приложиться ладонями к поверхности космического артефакта. У внеземельца был просто какой-то пунтик относительно недопустимости тактильного контакта с объектом. В конце концов, возможно, он прав – первый ремонтник прекратил свое существование именно после того, как по вине Захара прикоснулся к стене тоннеля.

Грац монотонно командовал, Лившиц столь же монотонно отчитывался о своих действиях. Клюгштайн совершенно выбивался из строго-занудной официозно-исследовательской атмосферы своими вздохами и ахами. На него перестали обращать всякое внимание и, как выяснилось, зря.

– Что ощущаете, Люциан? – в сто двадцать пятый раз спросил Станислав, и Лившиц тут же отрапортовал, что ни-

чего он не чувствует.

Захара так и подмывало сказать: мол, как же так, неужели ничего не чувствует? Вот он, Орешкин, сидит здесь, в рубке, в полутора тысячах километров от Хозяина Тьмы и очень даже чувствует. А они там...

Но вот насчет них и вышла загвоздка. В поле зрения камеры Лившица биолога не наблюдалось. Захар перевел взгляд на левый экран. Там резво плясали гладкости и шероховатости стены тоннеля, освещенного неверным светом прожектора. Что-то во всей этой картине было не так...

– А где Фриц? – спросил Захар. Собственно, он не собирался спрашивать, вопрос вырвался сам собой.

Грац наклонил вперед голову, всматриваясь в картинку, а на экране, вызывая тошноту, заплясали быстро перемещающиеся окружности свода тоннеля и чернота, уходящая в глубь Хозяина Тьмы. Внеземелец вертелся, пытаясь найти Клюгштайна. Биолога нигде не было.

И тут Захара осенило, что было в левой картинке несуразного. Вместе с тем чувство чужого взгляда стало столь нестерпимым, что кибертехник начал скрести ногтями грудь, не замечая, что рвет пуговицы на рубашке и оставляет на коже глубокие, быстро набухающие красным, царапины.

– Нет, Фриц, не делайте этого! – закричал он.

На левом экране плавные линии стены, будто вылепленные чьей-то исполинской рукой, были слишком близко. Непозволительно близко. Клюгштайн сместился из центра

тоннеля. От соприкосновения с инопланетным артефактом его отделяло всего несколько десятков сантиметров. Расстояние вытянутой руки.

И его рука вытягивалась. Неизвестно, услышал ли биолог вопль Захара, но буквально в паре сантиметров от белесого, какого-то шершавого, словно пемза, материала неземного происхождения пальцы биолога остановились.

Из динамиков лился поток отчаянной брани: Лившиц крыл Клюгштайна на чем свет стоит.

– Ну, рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, – обреченным голосом пробормотал Грац и сел.

Захар вздохнул и, оторвав ладонь от разодранной груди, с изумлением уставился на свежие царапины. Он не помнил, зачем сделал это с собой.

И в этот момент отчаянный крик: «Нет!» – поднял на ноги всех, кто находился в рубке.

Орал Лившиц. А Клюгштайн, стацив с ладони тяжелую и неповоротливую перчатку скафандра, вытянул вперед скорченный и облупившийся от адской сухости и замогильного холода космического вакуума палец, на глазах покрывающийся темными пятнами петехий¹², намереваясь прикоснуться к неведомому.

¹² Мелкие кровоподтеки, образовавшиеся в результате множественных разрывов капиллярных сосудов.

9. Пустые тайны

Скрюченная, вся в темно-бурых, почти черных пятнах кисть руки Клюгштайна, исходившая желтоватым киселем с редкими прожилками крови, лежала в неправдоподобно белом лотке. Туда ее поместил Грац, после того как отсек от запястья законного владельца. Кисть было не спасти, Станислав специалист в подобных вопросах.

Захар с омерзением косился на отсеченную конечность. Ему было противно, но глаза то и дело, будто сами собой, скатывались направо, туда, где на сверкающем прозрачным стеклом медицинском столике стоял злосчастный лоток. Разум желал экстрима. Экстрим, скукожившись, оперев черные ногти в белизну эмали и покрывшись пепельно-белесыми струпами, вольготно расположился в метре от кибертехника.

С другой стороны столика, положив обрубок на колени, сидел Клюгштайн. Культю венчал неровный шар чего-то, похожего на белый пластилин, коим Грац залепил рану. Тощая голая конечность с набалдашником регенерирующей повязки напоминала древний фаллический символ. Сам Клюгштайн тоже навевал воспоминания о доисторических временах, пытках и жертвоприношениях – на лице биолога замерла непонятная, какая-то совершенно безрадостная улыбка. И глаза вроде бы улыбались, но зрачки оставались непо-

движны, словно Фриц пребывал в состоянии *ptit mal*¹³. Весь его вид вкупе с ампутированной конечностью внушал мысль, что он рад принесенной неведомым богам жертве. И, похоже, биолог был не прочь продолжить раздачу частей тела на благо небожителей.

– Чему вы радуетесь, Фриц? – спросил Грац, не ожидая услышать ответа.

Клюгштайн молчал. Он заворуженно глядел в одну точку. Мысли его были далеко. Они, скорее всего, были где-то там, внутри Хозяина Тьмы.

– Может, его лучше отправить отдохнуть? – неуверенно спросил Захар.

– Конечно, – согласился доктор.

Вместе с Грацем они отвели биолога в каюту. Пострадавший шел самостоятельно, не сопротивляясь. Он только не проявлял никакой инициативы: шел, куда вели, останавливался, когда вести переставали. Уже в каюте, рядом с кроватью, Грац поднес к шее Клюгштайна небольшую серебристую коробочку и надавил на кнопку на ней. Раздалось тихое шипение, и биолог плавно осел на постель.

– Опять магнитная стимуляция? – поинтересовался Захар.

– Нет, – усмехнулся Станислав. – Обычное снотворное. Магнитная стимуляция на голове производится, – он посту-

¹³ Малый эпилептический приступ. При нем человек внезапно как бы каменеет, замирает, зафиксировав взгляд в одной точке.

чал себя пальцем по темени.

– Что с ним? – спросил кибертехник, когда они с доктором возвращались по длинному полукруглому коридору в рубку.

Грац лишь молча пожал плечами. Вопрос был чисто риторическим – откуда знать Станиславу, что произошло с добродушным биологом внутри инопланетного корабля. Возможно, ожидаемый всеми контакт состоялся. Теперь оставалось самое трудное – понять, разобраться, «что это было».

– Ну, как он? – возбужденно произнес Лившиц, как только доктор появился в дверях рубки.

– В данный момент спит, – ответил Грац.

Он, не останавливаясь, стремительно прошел в глубь помещения и плюхнулся в кресло, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Он устал. Все устали. От безнадежности, от нервного напряжения, от страха. Ожидание смерти, как известно, хуже самой смерти. А ожидание неизвестного? Когда непонятно даже, плохое или хорошее может случиться. И главное – неясно, произошло уже ожидаемое или нет.

– Что с ним стряслось? – спросил Лившиц.

Грац неспешно поднял на вземельца красные от усталости глаза.

– Я хотел бы услышать это от вас, – медленно проговорил он.

Лившиц пожевал губами, глаза его забегали, словно выискивая какое-то определенное место в бесхитростном пейзаже рубки. Захар было решил, что Люциан смущен, что

ему неловко за то, что он нарушил указания капитана, впрочем, полностью им же самим поддержанные. Но кибертехник ошибался.

– А ведь я вас предупреждал, – прошипел внеземелец.

Захар не совсем понял, обращался он лично к Грацу или имел в виду всю команду «Зодиака».

– Я вам говорил, – продолжал он, – что не все так просто. Это вам не с эмигрантами с соседней колонизированной планеты сходить познакомиться. Они должны быть другими. Обязаны! Другими! Понимаете? Между ними и нами, возможно, вообще нет ничего общего. Не исключено, что мы в принципе не способны установить контакт с ними.

На несколько секунд в рубке повисла тишина. Потом Грац задал вопрос:

– А они с нами?

Захар не понял тогда, говорил Станислав серьезно или же шутил. Впоследствии кибертехник много раз возвращался к этому вопросу, но так и не решил, было это откровением или обычной шуткой, призванной разрядить обстановку.

– Перестаньте, Грац, – махнул рукой Лившиц. – Вы же прекрасно понимаете, о чем я толкую.

– Да, – ответил доктор. – Так же, как и вы понимаете, почему я настаиваю на продолжении исследований этого объекта.

– Последняя надежда.

– Отчего же последняя? – спросил Захар. Конечно, шан-

сов вывести из транса Тахира было ничтожно мало, но ведь он жив. И Захару не совсем понятно, почему Грац вообще не занимается этой проблемой. Тем более будучи врачом.

– Тахир мертв, – не поворачивая головы, сказал Грац. – Умер пару часов назад. Я понизил температуру в его каюте.

Ну вот, теперь действительно – последняя надежда. А если быть честным с самим собой, то надежды больше нет. Не было у Захара особой веры в таинственных зеленых человечков из инопланетного корабля с самого начала. И с каждой вылазкой к Хозяину Тьмы ее становилось все меньше.

– Как случилось, что вы потеряли визуальный контакт с Фрицем? – спросил Грац у Лившица.

– Вы тоже хороши, – огрызнулся Люциан. – У вас ведь был контроль его камеры.

– Мы и подняли тревогу, если помните.

– Помню. Так вот что было: Фриц свернул в другую сторону. Хорошо, он не успел улететь достаточно далеко – я нашел его сразу. Он висел в нескольких сантиметрах от стенки тоннеля и тянулся к ней рукой. Голой уже рукой.

Мембрана автоматической герметизации скафандра сработала как часы, огородив рукав от безвоздушного космоса и сохранив жизнь незадачливому биологу. Но руку сохранить не удалось – Лившиц то ли не нашел уплывшую куда-то в невесомости перчатку, то ли не стал ее искать вовсе. Ключ-тайна он так и приволок с голой, устрашающе мертвой рукой, торчащей из толстого рукава скафандра, словно обру-

бок обгоревшего в лесном пожаре дерева. Когда с головы Фрица стянули шлем, он уже пребывал в нынешнем состоянии блаженной кататонии.

– Он прикасался к поверхности? – неожиданно спросила Гертруда. Она, как обычно, вела себя совершенно индифферентно, и о присутствии планетолога попросту забыли.

Лившиц ответил не сразу. Он долго молчал, видимо, восстанавливая в памяти картину случившегося. Потом подошел к терминалу, открыл запись изображения с камеры биолога на моменте, где в пляшущем из стороны в сторону поле зрения то и дело мелькали руки. Здесь они еще были защищены материалом скафандра, но правая настойчиво дергала замок левой перчатки. Потом на мгновение в углу картинки появилось мутное белесое пятно – замерзший воздух, вырвавшийся из рукава Клюгштайна, попал на объектив камеры, покрыв сверхпрозрачное стекло тонкой пленкой инея, которая тут же испарилась. Мельтешение света и тени. То и дело в кадре оказывается рука, быстро покрывающаяся сетью лопнувших капилляров и трещин на иссушенной и обмороженной коже. Десять сантиметров, пять. Вот палец почерневшим ногтем почти скребет по таинственному инопланетному материалу.

– Нет, – неожиданно резко произнес Лившиц. – Не прикасался. Во всяком случае, я этого не видел. И на записи этого тоже нет.

– На записи многого нет, – усмехнулась Гертруда. – И все

же Фриц пытался именно прикоснуться. Он хотел взяться за него руками. Для этого он и снял перчатку.

– Да, – неуверенно пробормотал Лившиц.

Захару казалось странным поведение биолога – Клюгштайн совсем не производил впечатления сумасшедшего. Чудаковатого – да, но не безумца. Ведь он должен был понимать, к чему приведет его действие. Должен, и наверняка понимал. Но все равно снял перчатку.

– Зачем он это сделал? – пробормотал кибертехник. – Люциан, а вы не ощущали чего-то похожего? Какое-нибудь странное чувство не возникало?

Захар вспомнил, что они с вземземельцем перешли на «ты», но решил не афишировать этого, дабы поддержать видимость участия в заговоре.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, не возникало ли у вас какое-нибудь ощущение? Например – будто кто-то наблюдает за вами? – добавил он.

Лившиц зачем-то осмотрел Захара с ног до головы, пожал плечами и ответил:

– Нет, не возникало. Я, знаете ли, делом был занят.

– Фриц тоже не... – Захар хотел сказать «не красотами любовался», но, вспомнив, что именно этим Клюгштайн и занимался, умолк.

– Вот именно, – пробурчал Грац.

– Пойдемте, поможете мне навести порядок у Тахира, – сказал Грац Лившицу. – И с Фрицем нужно выяснить. Мо-

жет, он придет в себя, когда проснется.

– Конечно, – сказал Люциан и отправился вслед за поднявшимся из кресла доктором.

Гертруда с Захаром остались в рубке одни. Обычно Станислав просил помочь кибертехника. Особенно после того, как они стали на ножах с Лившицем. Но сейчас он позвал именно вземельца. Почему? Вероятно, у него имелся какой-то разговор к нему. Вполне можно было обсудить это по вирт-связи прямо здесь, никуда не выходя и соблюдая конфиденциальность – мысли нельзя подслушать, мысленную речь воспринимал только тот, к кому обращались.

Внезапно Захар понял, что с того самого момента, как они обнаружили Хозяина Тьмы, разговоры в вирт-эфире прекратились. Во всяком случае, он сам в них не участвовал. Что это – атавистический страх перед превосходящими силами противника? Или они с самого начала наделили космический корабль чужих мистическими свойствами? Подсознательно. Желание пасть ниц, протянув в мольбе руки к всемогущему божеству, выпросить если не спасения, то хотя бы милости. Жажда унизить себя и отдать собственную судьбу в чьи-нибудь руки никак не хотела покидать человеческое подсознание. Созданное тысячелетиями непонимания, серости, бедности и голода чувство вновь и вновь выползло из самых древних глубин мозга. Из тех, что несли в себе образы, рожденные еще в головах динозавров, если не саламандр и жаб. Пусть *они* решат за меня, пусть боги будут

ответственны за мою серость, за мои страдания. Так легче жить, так проще и сподручнее. Только так нет результата, нет движения, кроме того, что создают ленивые волны мироздания, покачивая бессмысленно барахтающуюся в океане пространства жизнь. Вперед, назад. Вперед, назад. И лишь единицам может посчастливиться добраться до берега с вожденными райскими кущами, лишь разуму даровано то, что позволяет загнать животный ужас перед высшими силами глубоко в недра мозга. Но его никогда не искоренить.

– Ты что-то чувствуешь, – сказала Гертруда. Именно сказала, а не спросила.

– Нет. О чем ты? – Захар прекрасно понимал, о чем толковала Герти. Он и сам не понял, зачем сделал вид, что ничего не происходит.

– Я знаю. Я вижу. Все что-то ощущают. Все знают. Но почему-то скрывают это. *Ему* это зачем-то нужно.

– Ему?

– Хозяину Тьмы.

Планетолог поднялась, остановилась на секунду возле Захара, потрепала его за щеку и, одарив кибертехника редкой для нее улыбкой, вышла из рубки.

Спустя час с небольшим Клюгштайн проснулся. Оцепенение, в котором он находился после возвращения с борта посланца звезд, оставило его. Он снова был привычным, немного чудаковатым Фрицем, доктором биологии, замечательным ученым.

Он сидел на кровати и, морщась, потирал предплечье левой руки прямо под блямбой повязки. Настроение у него, соответственно случаю, не было лучезарным, но и в истерику он не впадал. Даже пытался шутить.

– Все-таки объясните, Фриц, – уговаривал его Грац, – за каким чертом вы полезли на стену? Что с вами случилось?

Клюгштайн продолжал морщиться, словно от боли, и пытался перевести разговор в шутку. Захар, слушая бессодержательный лепет биолога, испытал легкий приступ дежавю – весь этот цирк сильно напоминал его недавний разговор с Гертрудой. «Все знают. Но почему-то скрывают это», – так она сказала. Фриц тоже определенно что-то знал. Неспроста он снял там перчатку, не от любви же к криотерапии¹⁴ голый рукой пытался ухватиться за стену. Он знал, зачем сделал это. Знал, но играл под дурачка, чтобы скрыть это от остальных.

Захар резко обернулся, поддавшись мимолетному давящему чувству чужого взгляда. Но сзади была только серая и невыразительная стена каюты Клюгштайна. Он вздохнул, повернувшись обратно, и успел заметить, как Герти быстро опустила взгляд. Она наблюдала за ним, она видела, как он только что оглядывался, будто параноик, ища несуществующего преследователя.

«Все знают».

«Герти», – позвал Захар по вирт-связи. Вдруг ему показа-

¹⁴ Лечение холодом.

лось, что виртуальная реальность корабля теперь тоже не в их власти, что там теперь хозяйничает чужой.

«Что?»

Захар просто махнул рукой – мол, ничего. Все работало. Просто какой-то внутренний тормоз не давал людям общаться с помощью мысленной речи. Боязнь быть раскрытыми? Но в чем? Что скрывал каждый из них? Да что там каждый! Что, собственно, было скрывать ему самому? Ощущение чужого взгляда? Бред какой-то.

Тогда почему он не говорил об этом остальным? Грац и Герти спрашивали его, но он оба раза соврал. Зачем? При чем не собирался обманывать, ложь вырвалась сама собой, в последний момент. Будто кто-то другой на мгновение завладел его языком, а после было неудобно оправдываться. Или это – боязнь показаться сумасшедшим, опасение стать изгоем?

Возможно, Грац знает, что это. Он врач, и психологические проблемы людей в дальнем космосе ему известны. Только ведь и он наверняка что-то скрывает.

«Все знают».

– У меня помрачение рассудка случилось, – пробормотал Клюгштайн. – Ничего не помню, что там было.

Он прятал глаза, тщательно рассматривая свои босые ноги, непрерывно тер увечную руку, хотя Грац сказал, что сделал блокаду и больно быть не должно. Биолог совсем не умел врать.

«Почему-то скрывают».

А Гертруда и сама ничего не сказала о своих ощущениях. О своей тайне.

Стало быть, теперь у каждого есть свое тайное знание. Свое тайное чувство. Оно тайно, но лишено смысла. Оно пустое, ему невозможно найти применения. Но оно личное, а от того становится важным. Каждый будет биться за него до последнего...

Захар почувствовал, что между лопатками, прямо по дорожке позвонков, медленно сползает капля пота. Он потрянул головой, чтобы снять наваждение. Бестолковое роение мыслей прекратилось, но ужас, вселенный ими, остался. Неужели он на самом деле сходит с ума? Нет, он же нормальный. Хотя, наверное, все безумцы верят в то, что они нормальны. Некоторые, должно быть, даже считают себя нормальной остальных.

Он заметил, Герти то и дело бросала на него осторожные взгляды. Лившиц и Грац были увлечены Ключштайном – они пытались добиться от него хотя бы чего-то, похожего на ответ. Но планетолог лишь делала вид, что слушает их. Она наблюдала за реакцией Захара, она хотела узнать, что скрывает он. Выведать его тайну.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал кибертехник. – Нужно проверить киберов: все ли нормально с их алгоритмами.

Захар повернулся, чтобы выйти, но в дверях его окликнул Грац.

– Вам нездоровится?

– С чего вы взяли?

Что он заподозрил? Теперь и Станислав?

– Вы весь испариной покрылись и дрожите, словно лист на ветру.

Захар провел рукой по лбу. Действительно, рукав сделался влажным, а ладонь немного дрожала. Да что же с ним такое?

– Зайдите позже ко мне в лазарет, – сказал Грац и вернулся к усиленно рассматривающему пол биологу.

10. Депрессия

Безграничное белое поле окружало со всех сторон. Куда ни глянь – везде одна и та же белизна. Никаких теней, никаких ориентиров. Белая пустота.

Чистота и непорочность лазарета была призвана успокоить пациента, привести его в состояние расслабленного ступора. На Захара она оказала обратное действие.

Он и сам не знал, для чего явился во владения Граца. Не собирался же он в самом деле выложить Станиславу все о своих страхах и чужих взглядах. Скорее всего, он просто продолжал играть в игру, навязанную остальными. Всеми, кто скрывал. Всеми, кто знал. Он тоже был обладателем тайного знания, но ему оно ничего не давало. А другим игрокам?

Белая головокружительная даль бросалась на него, стремилась сломить волю. Захар яростно сопротивлялся, пытался зажмуриться, спрятать глаза, зарыться лицом в кушетку, на которой лежал. Но кушетка была столь же бела, как и все здесь.

Грац точно решил его извести.

– Вы слишком напряжены, – заметил Станислав.

Захар не успел ответить. Что-то стремительное и болезненное, словно жало осы, ткнулось в плечо, и безумство белизны вдруг подернулось серым, утратило свою непороч-

ность, отдавшись во власть оттенков и полутонов.

– Что это? – успел простонать кибертехник, перед тем как нависшее над ним лицо врача, перекошенное злорадной улыбкой, окончательно исчезло во тьме, победившей засилие белого.

Очнулся Захар там же, в лазарете. Сколько прошло времени, сказать трудно. Кибертехник осторожно осмотрелся – руки и ноги свободны, никто его не связывал, белые стены лазарета – стены как стены. С ума не сводят. Справа, в таком же белоснежном кресле, обнаружился Грац. Доктор, подперев голову ладонью, смотрел на Захара из-под полуприкрытых век. Глаза у Станислава были красными.

– Что это со мной было? – спросил Захар. Голос хриплый, во рту пересохло.

Он осторожно приподнялся на кушетке. Немного мутило, но головокружения не было. В памяти всплывали размытые образы глаз, будто фурункулы открывающихся прямо на стенах то тут, то там, и злобно усмехающегося Граца, нависшего над ним с инъектором.

– Очнулись?

Грац медленно поднялся с кресла, потянулся, поморщившись, и подошел к кушетке.

– Обычный фобический припадок. Только с чего это он у вас случился? Вы же не страдаете клаустрофобией?¹⁵

– Нет. Меня проверяли.

¹⁵ Боязнь замкнутого пространства.

Ясное дело, проверяли. Кто бы его допустил к космическим полетам, страдай он клаустрофобией. Да и потом – это уже его восьмая экспедиция. Раньше ничего подобного не было.

– Вот и отлично, – Грац похлопал его по плечу. – Идите, проверьте свои механизмы. Вы же, кажется, собирались. Вам сейчас не помешает заняться чем-то, делом каким-нибудь.

– Конечно.

– Нам всем это не помешает, – пробурчал под нос Станислав.

Захар спрыгнул на пол. Ноги затекли и слушались плохо. Учитывая непорочную белизну пола, создавалось стойкое ощущение, что идешь по глубокому снегу.

В дверях он вспомнил о Клюгштайне.

– А что с Фрицем? – спросил он. – Что с ним было?

– Примерно то же, что и у вас, – ответил Грац и добавил: – Только по другому поводу.

Кибертехник понимающе кивнул. Хотя ничего не понимал.

– Лекарство будет действовать еще около суток. Если почувствуете что-нибудь похожее, обязательно скажите мне – еще не хватало, чтобы вы расшибли себе голову. Или кому-нибудь другому! – крикнул вдогонку Станислав.

– Угу.

– Кстати, а что вы чувствовали тогда? – вдруг резко спросил Грац.

Захар остановился, озираясь. Смутное знакомое ощущение на мгновение вернулось: вон там, на серой стене коридора, – глаза. Но никаких глаз там, конечно же, не было, был только пластик отделки. Стоило поднять взор и становилось ясно, что это лишь игры воображения.

– Да, в сущности, ничего, – неуверенно пробормотал он.

Он оглянулся – Грац стоял в дверях, внимательно наблюдая за пациентом. На секунду Захару показалось, что лицо его выражает предельную степень нетерпения, что Станислав просто жаждет узнать, что же все-таки скрывает кибертехник.

«Все знают».

Да нет, ерунда все это. Или это действие лекарства, а через сутки все опять станет подозрительным? Захар потряс головой, прогоняя нахлынувшее наваждение. Безусловно, они тронутся умом значительно раньше, чем успеют погибнуть от нехватки воздуха и пропитания.

Легкий приступ тошноты сдавил горло, когда псевдогравитация жилого отсека плавно исчезла – лифт приближался к центру вращающегося диска. Киберы обитали в хвостовой части «Зодиака», в технической зоне. В случае аварии в энергоустановке или двигателях они доберутся до места повреждения первыми, отсюда совсем близко.

В хозяйстве Захара был порядок. Биороботы стройными рядами дремали в стойлах. Несколько раз в день обслуживающие корабль киберы выползали в технические коридоры и

возвращались оттуда. Все шло своим чередом.

«Зодиак» услужливо предоставил данные роботов, Захар проверил сохранность алгоритмов поведения – параметры соответствовали требуемым нормативам. Только бунта киберов им и не хватало! На всякий случай кибертехник проверил состояние одного из киберов вручную, без помощи виртуальной сети корабля – выборочное тестирование прошло успешно, роботы не ввали в виртуальной реальности.

Здесь, в технической зоне корабля, тихо и спокойно. Здесь нет людей, только безмолвные киберы, жужжание энергоустановки и два длинных иллюминатора...

Черт возьми, эти иллюминаторы, тянущиеся на добрый десяток метров по тощим бокам «Зодиака», не были закрыты шторками. Они, собственно, вообще не закрывались – киберам было все равно, они могли переносить почти любые уровни освещенности.

– Никаких глаз, никто на тебя не смотрит. – Захар, бормоча это, словно мантру, медленно подплыл к иллюминатору. За толстым панорамным стеклом, армированным и усиленным магнитными металлическими сетками, отсекающими большой диапазон излучений, было так же темно, как за иллюминаторами рубки.

Нет, ничего не видно. Но где-то здесь, совсем недалеко – огромная туша инопланетного корабля, неизвестно зачем прилетевшая сюда. Что они искали? Что могло понадобиться инопланетянам в этом абсолютно бестолковом уголке Все-

ленной?

Странные мысли родились в голове Захара. Или их стоило назвать догадкой?

Вот именно – зачем этот корабль (или чем еще является Хозяин Тьмы?) находится здесь? Может быть, именно от этого и стоит плясать, чтобы понять, как найти подступы к затаившимся внутри существам?

Странно, что сами инопланетяне не предпринимают никаких действий. Им люди не интересны? Или они вообще не замечают «Зодиак» и людей? Как там сказал Грац? «Их еще нужно убедить в нашем существовании»?

С другой стороны – все эти ощущения, странное поведение Клюгштайна внутри тоннеля. Это ли не признак того, что с людьми пытаются наладить связь? По-своему, так, как привычно им.

Но все же – что могли искать инопланетяне здесь, во тьме и холоде? Здесь же ничего нет. Пустота. Или они такие же жертвы аварии, как и люди?

– Пытаешься увидеть *его*?

Захар вздрогнул от неожиданности, больно ударившись лбом о холодное стекло. Сердце бешено колотилось. Первой мыслью было, что чужой уже вдоволь на него насмотрелся, а теперь решил порадовать голосами в голове.

Но это была Гертруда.

– Черт, – прошипел Захар, растирая ушибленную голову. На лбу быстро росла шишка. – Так ведь можно и преставить-

ся с перепугу.

Гертруда хохотала. От смеха голова ее запрокинулась, и тело прогнувшись начало совершать медленное сальто назад. Удивительно, но она с небывалой грациозностью, словно и не прилагая никаких усилий, держала положение в пространстве, вращаясь в просторном ангаре киберов.

– Ты много работала в невесомости? – спросил Захар, замороженный движениями ее тела.

– Да. Приходилось, знаешь ли.

Герти не была красавицей, хотя и страшенькой ее тоже не назовешь. Самая настоящая серая мышь. Ее неопределенного оттенка волосы, не то не очень темные, не то не слишком светлые, топорщащиеся в совершенном отсутствии прически; правильные, но абсолютно незапоминающиеся черты лица; мешковатая одежда, многочисленными складками скрывающая неизвестные непосвященному достоинства или недостатки фигуры; грубоватый голос и манера речи. В ней ничто не привлекало и ничто не отталкивало. Она была незаметна в толпе. Даже на корабле, где люди работали бок о бок по несколько месяцев, временами можно было забыть о ее существовании. Но Захару с ней было спокойнее, чем с кем бы то ни было другим из нынешней команды. Возможно, потому что они давно знакомы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.